

Вероника Мелан

THE
CITY

РЭЙ

Вероника Мелан

Рэй

Серия «Город»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39151817

Аннотация

Соглашаясь на странный эксперимент под руководством Комиссии, Тамарис Олтон ни о чем не подозревает. Ни о том, что в нее будут стрелять, ни о последующем приобретении странных способностей пара-логика, ни о том, что однажды ее «убийца» пожалует к ней за помощью. Поможет ли? Да. Поначалу из страха, после из любопытства, а затем и вовсе из смешанных чувств. Ведь Рэй Хантер – удивительный мужчина...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	34
Глава 2	44
Глава 3	62
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Вероника Мелан

Рэй

Из цикла романов серии «Город»

E-mail: ladymelan@gmail.com

От автора: Все события и имена вымышлены, а совпадения случайны.

Пролог

Три года назад.

– Тами, ты слышала объявление от Комиссии по телику? То, в котором они ищут добровольцев для проведения эксперимента?

– Какого ещё эксперимента?

– Не знаю. Но говорят, что это на три дня. И платят они семьдесят пять штук, представляешь?

– Похоже на байку. Не верю.

Тами морщилась. После вчерашних задушевных бесед под бутылочку красного у нее отчаянно ныли виски. Во рту липкая противная пустыня; в голове пыльный мешок, куда в отличие от распахнутого настежь окна, не проникали солнечные лучи. Бензин для настроения в виде алкоголя закончился, а общий упадок сил остался. Но, похоже, он не коснулся подруги, которая бодро гремела в раковине посудой – топила в мыльной пене тарелки, фужеры, блюдца и вилки.

На скатерти крошки от чипсов, скорлупа от орехов, фольга от шоколада и мятые салфетки с черными разводами туши – накануне ими кто-то утирал мокрые глаза. Как же, ведь слезы – неизменный атрибут душевных встреч. Кому еще плакаться, если не ей – в меру мудрой, в меру ироничной, в меру веселой и всегда способной поддержать Ким? Они в одной лодке давно: вместе через смену работы, переезд, встречи и

расставания с мужчинами, в дни черные, в дни белые. В скуке, печали, радости и веселье. Как самая настоящая «пара».

– Налей мне сока...

Кимберли не стала уточнять «какого», знала – Тами всегда пила вишневый.

– Разбавить минералкой?

– Угу.

Отправились в мусорное ведро со скатерти салфетки, скорлупа и чипсы. Сама скатерть, вытянутая из-под локтей Тамарис, была брошена в корзину для грязного белья в ванной.

– А меня вот все-таки заинтересовало, – качала головой Ким, – семьдесят пять тысяч. И всего три дня. Я хочу к ним сходить...

– Ты это серьезно?! – Тами моментально забыла о головной боли, о ноющих висках и даже о том, что вчера вечером поругалась с Вальдаром. И был бы повод, а то ведь всего лишь спросила о том, обязательно ли им идти на тот концерт, который выбрал «очкарик» – почему бы не выбрать самим? И Вальдар в соседнем кресле застыл, как каменное изваяние, – сжал губы, отнял руку и все два часа, пока на сцене филармонии вдохновлено орудовали музыканты, своим невниманием наказывал ее за то, что она посмела назвать его «любимого духовного учителя» очкариком.

Подумаешь...

Вот только противно, потому что выбрали снова не ее.

И так раз за разом, месяц за месяцем.

– Ты мне это брось, – покачала головой Тами, – они за эти семьдесят пять тысяч оставят тебя инвалидом. Или параноиком. Или шизофреником.

«Вариантов масса».

– Нет, не думаю, – доносилось от раковины, – если и оставят, то временно. Сами покалечат, сами же вылечат. Это же Комиссия...

– Вот именно – кто для них люди?

– Да ты только послушай, – на нее взглянули внимательные и чуть испуганные глаза, – сколько всего ты сможешь сделать, если...

– Я туда не пойду.

– Просто послушай! Сколько у тебя долг за квартиру – двадцать три тысячи? Выплатишь. Останется и на восстановление, если нужно, и на отдых, и на какой-нибудь супер-подарок для Вальдара. Придешь, тряхнешь перед ним купюрами, и, может, он, наконец, увидит, что ты девушка красивая и независимая, что можешь все... без него. И решится сделать предложение.

Слова про «предложение» качнулись морковкой перед носом осла.

Супер-подарок...

Вальдар предложение делать не хотел, но давно хотел дорогие часы. Не просто дорогие, но, как в модных журналах, – не то золотые, не то платиновые. «Avalator». Но шесть тысяч

долларов? Она и подумать не могла...

– Давай вместе, а? А то мне одной страшно. Только позвоним, спросим, что предлагают. Просто почитаем их договор...

Ким смотрела на бледную с утра подругу с тревогой и надеждой. Продолжала течь в пустую раковину вода; рядом на разложенном полотенце стояли перевернутые бокалы.

– Мы только почитаем, а?

У нее, у Ким, кредит за машину, невыплаченная квартплата за последние два месяца и временное отсутствие работы. Очередная черная, в общем, полоса.

У Тами ныли виски и ломило затылок. Какие могут быть в таком состоянии судьбоносные решения? А вечером еще выяснять отношения с Вальдаром.

«Хорошо бы прийти с этими часами...»

– Да? – Кимберли нервно моргнула. – Мы ведь, как всегда, вместе?

– Калеками тоже будем вместе?

Снаружи ласково грело солнце. Лето – пора празднования жизни: купания в озере, шашлыков, поездок в прекрасное «далеко».

– Мы только почитаем.

– Хорошо, – выдохнула Тами после долгой паузы. – Только почитаем.

Через сутки.

Их разделили еще в здании. Ким в одну комнату, Тами – в другую.

Человек, сидящий за столом, смотрел пристально и равнодушно, как робот. А в руках договор с такими мелкими буквами, что продираться через него взглядом все равно, что лезть через лабиринт из битого стекла и колючей проволоки. Но Тамарис вчитывалась, несмотря на скрежещущие мозги и слезящиеся от напряжения глаза. Спрашивала все, что приходило на ум, волновалась:

– А что это за отдел «AS-21»?

– Департамент по подготовке ассасинов.

– Кого?

Повторять не стали.

В бумагах много говорилось о рисках и о том, что Комиссия обязуется свести их к минимуму; о возможных повреждениях и последующем восстановлении. Тами едва ухватывала смысл незнакомых слов и цеплялась за знакомые.

– Это все закончится через семьдесят два часа?

– Гарантируем.

– И вы выплатите мне на счет всю сумму?

– Все. Если подпишите договор.

Если подпишет... *Черт, Ким...* В душе скребли когтистые

черти. Черти хотели легких денег и совсем не хотели страдать.

– А что со мной будут делать?

– Читайте.

– Но я здесь почти ничего не понимаю.

Она читала.

Давил на психику взгляд человека в форме; давила пустая без мебели комната. Но горячей розгой подстегивало под зад желание не возвращаться сегодня домой – вчера Вальдар «принял» ее извинения снисходительно, и было видно, что оскорбление, нанесенное «учителю» не простил. Теперь придется отмаливать, ползать в ногах и слушать «ну, ты же понимаешь, что так говорить не стоило?»

Стоило. И ему давным-давным стоило уйти из этой гребаной школы, в которой, как была уверена Тами, облапошивали на деньги учеников. «Набирайте руками золотое свечение, а ногами серебристое... Представляйте, как ваша сфера бизнеса входит в баланс с астральными телами, стабилизируется, становится денежным магнитом...»

Вальдар был умным. И глупым одновременно. Почему он не видел, что низкорослый «псевдогуру» всем пудрит мозги? Маленький, циничный, очень высокомерный и всегда избегающий прямых ответов на вопросы – Тами начала тихо ненавидеть его с тех самых пор, как впервые переступила порог заведения под названием «Шар благополучия».

«Ты просто не понимаешь, как мудр Учитель...»

«Если бы ты перестала предвзято относиться к Учителю...»

«Он тебя терпит, потому что ты пока не поумнела...»

Тами не хотела умнеть. И учителя, который незримо присутствовал у них во время завтраков, обедов и ужинов, а также во время занятий сексом, она видела в гробу и в белых тапках.

Но Вальдара любила. И потому терпела, закусывала губу, верила, что однажды они переедут в другой город, вдвоем. Начнут жизнь свободную, счастливую, уже как семья, а не как прихвостни некоего недомерка, которого ее избранник боготворил.

Надо просто чаще молчать там, где нужно. Прикидываться, что ей нравится. И еще нужны деньги – последнее особенно важно.

Обо всем этом Тами думала во время прочтения бумаг.

– Вы закончили? – время от времени вопрошал сероглазый мужчина напротив, когда замечал, что она «подвисала».

– Нет еще... Минутку.

В какой-то момент ей на глаза попалась фраза, от которой волосы на голове встали дыбом. Тамарис побледнела.

– Я что... умру? Здесь написано...

Ее не дослушали.

– Нет, не умрете. Скорее... побудете на пороге.

– Так вы платите такие бабки... за клиническую смерть?

– Наподобие.

Долгий вдох. Неторопливый выдох.

Ей стало легко и тяжело одновременно.

Следующий вопрос она задала охрипшим, как у пропойцы, голосом:

– А точно «на пороге»? А то мертвой мне деньги не нужны...

– Гарантируем, – точно так же, как и прежде, без эмоций ответили ей.

Тамарис и сама не знала, почему и зачем сделала это (из мести, жалости к себе, жадности?) – взяла ручку и подписала договор.

Придвигая бумаги Комиссионеру, успела подумать о том, что если Вальдар не простит ее за эти гребаные и самые дорогие в мире часы, она пошлет его к черту.

* * *

– Задача: убить ее.

Приказ прозвучал из вмонтированных в стены динамиков.

За спиной защелкнулась стальная дверь – ни ему, ни жертве не выбраться, пока не откроют снаружи.

Рэй стоял неподвижно – руки вдоль тела, пальцы в сантиметре от рукояток пистолетов – и глазам своим не верил: на него смотрела девчонка. Обычная, невысокая, раза в три тоньше него, очень напуганная. Прыгала взглядом то на его

лицо, то на пистолеты, то на широкие плечи, на лицо, пистолеты, ножи. И все сильнее бледнела. Кожа на ее щеках покрывалась пятнами, выступила на лбу испарина.

И ужас в глазах – настоящий, не притворный.

«Не Пантеон», – с замешательством думал Хантер. Это не Пантеон Миражей – иллюзию под человека он узнал бы, у той нет ауры, а тут... Волна ее животного страха сносила его с ног.

«Это какая-то ошибка», – думал он растерянно. В комнате враг – так ему сказали. Ну, мужик, ну, двое, пусть даже пятеро – он сошелся бы с ними без запинки и сомнений. Хоть насмерть. Но... девка?

– Прошу пересмотра... ситуации... – солдат осторожно попросил того, кто наблюдал за экзаменом. – Здесь какая-то ошибка – вы приказываете убить невиновного и безоружного человека.

– Ошибки нет, – донеслось из стены. – Этот человек может быть виновен – Вы этого не знаете. Он может быть виновен в смерти сотен других людей. Убейте его. Оружие выбираете сами.

Она пятилась от него к стене, качая головой и причитая:

– Нет-нет-нет, пожалуйста... я никого не убивала... Не надо...

И смотрела то ему в глаза, то на его пистолеты.

Теперь вспотел Хантер.

«Уму непостижимо...»

Его молили взглядом – «спаси!», – а он все искал подвох – вглядывался в светло-карие глаза, выискивал подтверждение тому, что это все – отличная актерская игра. Она живая? Или манекен?

«Конечно, живая!» – рычал мысленно и все сильнее злился на ситуацию, в которую попал.

Он – боец, он подчиняется приказам, он должен убить. Этот тест дается лишь однажды – второго шанса нет. Как и надежды на то, что его оставят служить в отряде специального назначения, если он провалится.

– У Вас минута, – сообщил динамик, и «жертва» вскрикнула. Бросила взгляд на дверь, поняла, что туда не пробиться – на пути здоровый мужик-медведь с ножами и кобурой, – попятилась назад, запнулась, упала...

Она сидела у стены, закрыв лицо руками, тряслась и плакала:

– Они этого не говорили... Так не должно быть... я ничего не делала.

Рэй приказывал себе не слушать. Он должен верить Комиссии, просто должен.

Тикали в мозгах, как колокол на башне, невидимые часы.

– Не надо, не убивайте...

Она рыдала в голос, она отгораживалась от него вытянутыми руками, а Хантер чувствовал, как крошится изнутри. Как пытается предать что-то важное и очень ценное, как больше не знает, чему и кому верить.

– Я не хочу... умирать... – всхлипывали от стены, – не так...

«А как?»

«Сволочи... они не могли найти ничего хуже». Худая, ка-реглазая, шатенка, обычная прохожая с улицы – так ему ка-залось. В курточке из кожзама, в черных джинсах, с шарфи-ком на шее.

– У Вас тридцать секунд.

Он не мог представить, как ударит ее ножом. Или заду-шит. В этом случае ему придется смотреть ей в глаза все это время, а после он никогда не сможет спать. Наверное, не смо-жет в любом случае.

– Двадцать пять.

– Пожалуйста, оставьте меня в живых, я ничего не сдела-ла... Пожалуйста, я не хочу умирать, – все те слова, которые он меньше всего хотел слышать, потому что звучали они на тысячу процентов правдиво.

– Двадцать.

Хрупкие плечи содрогались.

– Я не хочу, – хрипло выдохнул Хантер.

– Тогда это Ваш последний день в отряде специального назначения, – сообщили ему в наушник. – Задание будет считаться проваленным, если в течение пятнадцати секунд Вы не убьете противника.

Противника.

Сволочи... Гады бездушные.

– Десять секунд.

«Это игра... Это все игра», – убеждал себя Хантер. Иначе и быть не может, это все Великий иллюзионист Дрейк – сука, кол бы ему в задницу...

– Восемь, семь, шесть...

Зрачки девчонки расширились, как у наркомана, когда он достал из кобуры тридцать восьмой калибр. Чтобы не раз-
мозжить ей мозг по стене, чтобы не слишком обезобразить
лицо. Хотя, ему какое дело, если это... *противник?*

Вытянул руку, навел дуло в лоб. Нельзя в сердце, нельзя
в живот – может выжить, и тогда экзамен провален.

Он ненавидел себя, когда нажимал на спусковой крючок.
Пытался ничего не чувствовать, но понимал, что не чувству-
ет лишь кокон, которым он попытался окружить собствен-
ное сердце. А там внутри все захлебнется кровью так же, как
и она.

«Жертва» завизжала.

Визг оборвался, когда грохнул пистолетный выстрел.

Хантер смотрел, как девчонка валится на бок. Обычный
залитый кровью человеческий труп – не иллюзия, не мане-
кен. Стынувший взгляд и упрек в нем. Безразличие, удаляю-
щийся фокус, пустота. Смерть.

В этот самый момент Рэй ненавидел себя и всех вокруг.
Каким-то образом чувствовал, что секунду назад она была
живой и ни в чем не виновной, а теперь – тело. Залитый кро-
вью череп, пробитый лоб, расслабившиеся на полу пальцы;

бордовые разводы на белой стене.

– Убрать труп, – донеслось из динамика. – Тест пройден.

Выходя из комнаты, Хантер чувствовал себя так, будто его только что изнасиловали без вазелина в задницу всем Комиссионным взводом.

И не подозревал о том, что траекторию пули четко скорректировали для того, чтобы она прошла в чужой голове максимально безопасно.

* * *

(Javier Navarrete – Pan's Labyrinth Lullaby)

После «экзамена» его освободили на остаток дня, но Хантер даже не смог поехать домой. Все сидел в машине, смотрел, как стекают по лобовому стеклу капли, как бродят снаружи темные тучи и чувствовал скребущих на душе кошек.

Убить человека – много ли нужно мозгов? Или их отсутствия?

Он смог.

Наверное, стоило позвонить друзьям, спросить, проходили ли подобный тест они, но какой ответ его бы удовлетворил: «Да, проходил, тоже убил невинного человека»? Или: «Нет, я так и не выстрелил. Но меня не уволили...»

На сердце тяжело; в голове вакуум. И намертво застыл в воображении образ заплаканного лица, паники в карих глазах, некрашенных помадой губ – перекошенных перед

смертью.

Один выстрел.

«Езжай домой».

А что там? Море выпивки? Тщетные попытки отвлечься?

Все настойчивее и яростнее колотил по крыше автомобиля дождь.

Вместо того чтобы выехать с парковки, Хантер вышел из машины и направился обратно в здание Комиссии.

– Разве так можно?! – орал он спустя несколько минут на собственного Начальника. Злой, как бык, упершийся в чужой стол кулаками, взорвавшийся, как беременный лавой вулкан. – Это человечно?

– А твоя профессия имеет много общего с человечностью?

На него смотрели спокойно, даже со скукой.

– Знаешь ли... У всего есть рамки.

– Рамок нет нигде. Только в голове.

«Да плевал я на твои теории!» – рвал на части Хантер глазами. Теперь он точно знал, что не уснет сегодня, а, если уснет, то будет видеть сплошные кошмары, потому что совесть – она точно дремать не будет. И ему не даст.

– Почему невинную? Почему вообще... девчонку? – выплюнул в ярости, обиженный на себя, жизнь и более всего на стоящего напротив человека в серебристой форме. – Знаешь, мне как-то тяжело после этого.

«А мне нет», – равнодушно зеркалил взглядом Дрейк Дамиен-Ферно. Кажется, он вообще думал не о визитере и не о поднятой теме, а о том, что именно закажет сегодня в ресторане на ужин.

– Она... мертва?

Вопрос дался Рэю сложно – наступило на горло чувство вины.

«Конечно, – сейчас ответят ему. – А как же еще – ты ведь выстрелил ей в лоб?»

И что-то рухнет навсегда. Он делает вид, что не заметил, – подлатает выпавший из стены дома кирпич краской, наложит новую шпаклевку, забудет. Ведь с глаз долой – из сердца вон, так?

– Она жива.

Отозвались буднично, и несколько секунд Хантер верил, что ослышался. Нервы.

– Жива?! Покажи мне доказательства, видео, что-нибудь... Дай ее увидеть.

– Показывать я тебе ничего не буду.

– Но...

Кажется, стоящий по другую сторону стола Дрейк действительно думал не о чужом задании и взыгравшей после его выполнения совести, а о форме букета цветов для своей избранницы. Лучше бордовый? Или оранжевый? С каким запахом?

– Дрейк... Дай мне с ней увидаться. Просто пусти в пала-

ту...

– Нет.

– Тогда, может, она...

«Погибла?»

И его задабривают, чтобы не брыкал дальше?

– Ты говоришь: «Я ее застрелил», я говорю: «Она жива». Кому ты веришь, Рэй? Определись уже. Почувствуй, где правда, включи интуицию. Я чему вас здесь учу?

Рэй услышать интуицию не мог – в ушах вата из тоски.

– Вся твоя жизнь – твои убеждения. Так выбери сейчас ту правду, которая тебе нравится, понял? И избавь меня от своей компании.

Дрейк ни с того, ни с сего разозлился, заиндевел.

– Давай. Покинь уже мой кабинет, я занят.

В коридор Хантер вышел немой, со смесью надежды и стыда. Надежда, впрочем, вскоре приказала долго жить, а вот стыд за содеянное остался – он предал себя, когда выстрелил в безоружного и невиновного человека. Не хотел, но не послушал нутро и теперь платил. В чем заключался тест? И с чего Рэй решил, что он завершился? Кажется, только начался.

Снаружи гневливым Божьим гласом грохотала гроза.

* * *

(Eva Buresova – Fly)

В тот день он впервые заплутал – недопустимая ошибка для человека, чья профессия чувствовать пространство «нюхом». Он и чувствовал раньше.

Но теперь что-то сбило.

Преыдушие две ночи он почти не спал, как и предполагал, – постоянно видел во сне одно и то же – как нажимает собственным дрожащим пальцем на спусковой крючок. Дрожащим пальцем и дрожащим сердцем.

Елки – бесконечный лес. Молодые, низкорослые, мокрые от дождя; с неба моросило.

Зачем он сунулся сюда, на новый, безымянный еще уровень? Посмотрел на описание – природа – и решил: куда еще, если не в глушь, вправлять собственные мозги? Заброшенные уголки вдали от цивилизации – его все. Именно здесь он всегда чувствовал себя как рыба в воде – сканировал пространство ощущениями, выстраивал его в голове, после предлагал начальству необходимые на его взгляд изменения: «Здесь будет удобно проложить дорогу... здесь гору... здесь добавить болот, чтобы защитить границу...»

Местность он чувствовал лучше Системы, потому что он был человеком. Прирожденным картографом.

Но сегодня он впервые ничего не чувствовал, кроме дождя снаружи и внутри. Брел, забыв о направлении, думал о мрачном. О том, что позавчера провалил тренировку с ребятами в Пантеоне, а все потому, что вновь увидел на пути женский манекен, в который следовало выстрелить.

Он даже не вытащил из кобуры пистолет. Не свернул, не обогнул препятствие – просто застыл, словно вкопанный, а после повернул назад. Спустя час положил Дрейку на стол прошение выделить ему несколько дней отпуска – тот хмуро кивнул.

И вот глушь.

Здесь почему-то не насадили ничего другого – ни берез, ни кленов, ни осин – одни ели. Ровными рядами – все, как одна, ему по грудь. Хлюпала от дождя почва; на колючих ветках подрагивала паутина. Пахло густо, почему-то грибами.

Раньше Хантер никогда бы не выбрал уровень, который не граничит с соседним – опасно, – но сегодня впервые пересмотрел собственные правила и теперь жалел об этом.

Где-то близко граница, нужно повернуть назад. Он все обследовал, все увидел, но легче не стало – сегодня перед сном ему придется крепко напиться. Возможно, и завтра тоже.

«И всю последующую жизнь».

Нет, он честно пытался, как советовал Начальник, изменить убеждение – девчонка жива. Жива, жива, жива, черт ее дери! Но слова в голове звучали, как пустые гири, – долбили черепную коробку звоном, грохотали намерением дать ему почувствовать себя лучше, но что-то не срасталось.

«Трудно ему было показать двухсекундное видео? Где она покидает здание Комиссии на своих двоих? Трудно?»

Давили обида и злость.

Рэй не заметил момента, когда на пути выросло препят-

ствие – нагромождение из темных булыжников. Не гора даже – горка, – а по центру неровный вход в пещеру.

«Интересно», – строптивый азарт в нем всколыхнулся быстрее инстинкта самосохранения. И этот самый азарт будто шепнул: «Полезли, ведь тогда хоть на полчаса, но забудешься...»

Позади насквозь промокший лес – обратно до портала он успеет дойти часа за два, еще не стемнеет. Дальше дом, кресло перед выключенным ТВ, бутылка бренди на подлокотнике...

Картинка отталкивала.

«Только пощупаю, далеко ли тянется. Уходит ли вниз, есть ли озеро...»

Он принесет Дрейку описание нового объекта, вновь ощутит себя цельным и значимым, важно расскажет о том, во что его можно превратить. И Начальник улыбнется: «Ну вот, ты опять в строю».

Все срастется. Все забудется.

Тонкую, похожую на кусок темного жидкого зеркала пленку Рэй заметил слишком поздно – только когда уже наполовину погрузился в проход.

«Назад! – заверещал инстинкт. – НАЗАД!» – завывли нервные окончания.

Он не заметил... Черт, он не заметил, как добрал до южной границы, где пещера – выход в небытие, непростроенное еще пространство.

Антиматерия встретила его адской болью – мгновенно обожгла все, чего успела коснуться: лицо, грудь, руки по локти, переднюю часть ног.

Рэя, несмотря на сопротивление и попытки отступить, сначала затянуло внутрь, а потом выбросило, словно из пасти гигантского животного, которому пища не понравилась по вкусу. Выплюнуло, выстрелило, как пулей, и здоровый крепкий мужик покатился по земле, будто тряпичная кукла.

Пролетел метров пять, перевернулся несколько раз с боку на бок, а после затих.

Дрейк твердил, что кармы не существует, но сегодня Рэй убедился в обратном.

Это ему наказание. За ту девчонку.

Еще никогда картограф-профессионал не бродил по окраинам с отключенными сенсорами. Никогда не оказывался настолько слеп, чтобы забрести в пустоту, в настоящее «ничто».

Смерть махнула крылом так близко от него, что он успел несколько раз вдохнуть запах тлена.

«Черт, и в следующую ходку Баал провожал бы отсюда уже его грешную душу».

Но он, кажется, выжил. И даже цел.

На ноги Хантер поднялся почти без проблем. Пошатнулся, автоматически ощупал себя, осмотрел. Одежда цела, кожа цела – не обожженная, не изуродованная.

Да, ему повезло сегодня. Он не просто выжил, но остался без повреждений – и тут же забылись мысли про кару, карму, рок и злую расплату. Нет, сегодня он будет спать, как новый, как человек с чистой душой, как тот, кого судьба благословила на дальнейшую жизнь.

Выжил. Значит, чего-то достоин, значит, не проштрафился «до смерти», значит, для чего-то еще нужен.

Дорогу, ведущую к Порталу, он определил интуицией.

Зашагал по ней быстро – дальше, прочь от зловещего места.

И только через минуту почувствовал, как немеет тело, – секунда-две-три... Отпустило.

Шок, мать его. Но могло быть и хуже.

Дальше шел осторожно (Лагерфельд все залатает) – дышал туманом и облегчением.

Сегодня он увидит собственный дом. Сегодня он все еще видит.

Потому что живой.

* * *

Всерьез волноваться Хантер начал ближе к вечеру. Уже после того, как вернулся в Нордейл, добрался на такси до дома, принял душ.

Он «зависал». В прямом смысле. После той злополучной пещеры начал «замирать» каждые три-пять минут на

несколько секунд, как обесточенный робот. С удручающей периодичностью чувствительность сначала теряли конечности, а после – примерно на третью секунду – все тело. И Рэй умудрялся смотреть будто со стороны – не зрением, но сознанием – на себя парализованного. Например, задравшего руки для того, чтобы смыть с волос шампунь, или переступающего порог коридора – стоящего с занесенной для перешагивания ногой.

Это мешало, кхм, существовать.

Сначала он убеждал себя: шок. Это пройдет. Отработка последствий нервной системой. Попытка мысленно шутить: «Как замер, так и отомру».

Он отмирал. Но для того, чтобы через пару-тройку минут незаметно и ненадолго замереть вновь.

Спустя несколько часов этот почти безобидный, на первый взгляд, фактор начал Хантера всерьез раздражать. И немного пугать.

Прикосновение антиматерии – шутка ли?

«А если ты сломался, парень? Насовсем?»

Рэй редко боялся чего-то, помимо собственной совести. Но тут она надменно молчала, будто призрак старухи, которую он собственноручно задушил: мол, сам нагрешил, сам и получил, а я пас. Баиньки и на покой.

Здорово.

Номер Лагерфельда он набрал со второй попытки – дрожали пальцы.

– Прости, друг, но я ничего не чувствую.

– Как... ничего?

– Ничего. По моим ощущениям ты совершенно здоров.

– Совершенно? Но я застреваю, как железный дровосек.

– Я вижу, вижу...

Рыжеволосый доктор озадаченно корпел, сканируя внутренние составляющие чужого тела, и хмурился все сильнее.

– Ничего, Рэй. Никаких отклонений.

– Не смешно, Стив.

– Не смешно, согласен.

Узкая белая кушетка – комнатка-вагон без окон, но с отличным освещением – помещение для диагностики. Звуко-непроницаемые стены, магнитная арматура, отводящая помехи – все для того, чтобы Стивен никогда не ошибался с диагнозом. Он и не ошибался.

«До сегодняшнего дня».

– Куда, ты говоришь, ты залез?

Хантер прочистил горло.

– В антиматерию.

Глаза Лагерфельда цвета настоящего виски смотрели на друга, как на умалишенного. Изумление сменяло беспокойство, беспокойство потрясение, потрясение новое беспокойство...

– Знаешь, тогда тебе не ко мне.

– А к кому – к гробовщику?

– Ну... если Дрейк приобрел у нас новое прозвище, тогда да.

Одеваясь, Рэй вновь «подвис» с зажатой в ладонях и наполовину натянутой на голову рубахой.

* * *

Диалог с Начальником не нравился ему совершенно.

– Куда ты отправился – на «S2B4»? А тебя кто-то просил туда ходить? Ах, да, повсеместный допуск – а мозг ты намеренно выключил? Хантер, на этот раз ты поразил даже меня.

– Вылечи.

Выдал Рэй единственное слово сдавленно. Если его не вылечат – он труп. Не физический, но моральный, потому что нельзя работать наемником, будучи инвалидом. Враги не будут ждать, пока ты отомрешь через четыре секунды – вытащишь из кобуры пистолет, вознамеришься выстрелить. За четыре секунды (а это очень долго, когда речь идет о боевых действиях) тебя успеют пару раз взорвать, трижды прострелить, а заодно лично подскочить и перерезать горло.

– Вылечи? – далее последовала пауза, во время которой Хантер мысленно услышал ласковые слова про всех идиотов, которые лезут «не туда». А после непривычно тихий голос: – Хант, ты правда думаешь, что пальчик в говне замарал?

Дрейк Дамиен-Ферно смотрел странно – вроде бы на тело, но будто внутрь. Или насквозь. Смотрел так, что даже Рэй понимал, что видит он вовсе не кусок физической плоти с руками, ногами и прикрученной сверху головой, но что-то иное. Что-то, судя по всему, неприятное.

В Реакторе пусто. Тихие коридоры, запертые кабинеты. Отделы, занимающиеся круглосуточным наблюдением за Уровнями, располагались на других этажах.

Круглые белые часы на стене показывали начало одиннадцатого. Наверное, Начальник уже поужинал, уже подарил букет любимой и хотел насладиться приятным вечером, но тут позвонил Хантер. Не просто Хантер – зависающий Хантер.

– Это антиматерия, – выдал, наконец, Дрейк, и прозвучало это, как приговор.

– И что?

Рэй боялся услышать продолжение.

– А то, что воздействует она в первую очередь не на физическое тело.

Здесь можно было бы спросить «как это?» и получить долгую лекцию о телах тонких, об энергетическом человеческом строении, о каких-нибудь центрах трансформации полей, но на теорию Хантеру было начхать совершенно.

– Ты вылечишь?

– Я? Нет.

– А кто?

– А лечить нечего – Лагерфельд тебе еще не сказал?

Рэй сглотнул.

– Но я... зависаю.

Начальник молчал и смотрел странно. Вроде тяжело, но вроде даже с восхищением и любопытством. Наверное: «Куда вы, люди, только не залезете, чтобы создать новые варианты опыта и реальности».

Наверное, ему, Дрейку, внутри было, если не смешно, то точно забавно, ведь «пальчик говном замарал» не он. А говно-то оказалось прилипчивым.

– Пожалуйста, положи меня в вашу лабораторию, прикажи своим...

– Нет, Хантер, нет. Ты еще не понял? Ты поврежден на таком тонком уровне, который мы уже не трогаем, – у тебя замещена часть квантового строения. Если говорить человеческим языком, то часть информации о тебе как о человеке и функциях человеческого тела стерта или замещена шумом.

– Шумом?

Пересохло в горле, сдавило виски.

А еще думал, что легко отделался. Верил, что через пару часов все пройдет.

– Что делать, Дрейк?

«Это навсегда?»

Он больше не боец. Он инвалид. Теперь ручкой, замирающей в его пальцах, Рэй должен будет написать заявление об отставке. Ему придется найти такую работу, где никто не бу-

дет видеть зависаний – на что-то жить, как-то общаться. Его забудут в отряде; над ним будут смеяться незнакомые люди.

Ворох неприятных мыслей кружил смерчем и набирал силу.

Хантер всерьез опасался, что этим вечером не сможет даже нормально выпить. Уже увидел себя в кресле в образе испитого алкоголика, похожего на пыльный и жамканный кирзовый сапог. Засыпанного пеплом от дешевых сигарет, морщинистого, забывшего слова, кроме матерков.

Хуже. Он боялся, что не поднимется даже с этого стула, потому что ему не хочется идти туда, где ждет та жизнь, которую он только что вообразил.

– Но-но, – хмыкнул Начальник, наблюдая за чужими эмоциями, – все не так плохо. Но и не очень хорошо.

Хантер поднял взгляд воспаленных глаз.

– Тебе нужна живая плазма, понимаешь?

«Куда идти? Говори, мы снарядим отряд, как в Криалу. Мы что-нибудь придумаем, ребята помогут...»

Все это Рэй мог бы выпалить за секунду, но Дрейк обрубил не начавшийся диалог взмахом руки.

– Живая плазма существует на Уровнях, но в очень маленьком количестве. Проблема даже не в количестве – тебе его хватит, – а в том, как до нее добраться.

И вновь прервал грядущую браваду о том, что в «отряде все за одного».

– Не торопись, дай объяснить. Живая плазма – это заря-

женное квантовое поле, готовое предоставить в твое распоряжение именно то, что ты хочешь. В целом, запрограммированная часть материи, способная создать что угодно, разрушить что угодно и так далее. Улавливаешь мысль? Естественно, она отзывается на зов того, кто ее ищет, но поддаться или нет, решает сама. Попробуй, отправь мысленный посыл о том, что она тебе нужна. А дальше...

Начальник постучал подушечками пальцев по столу, задумчиво потер губы, помолчал.

– Если поле решит отозваться, то каким-то – не спрашивай меня, каким – образом ты получишь в свое распоряжение первый маркер. Набор координат, ведущих ко второму маркеру. Сколько их – я не знаю. Это теперь твоя Игра. Только. Твоя. Понял?

Маркеры. Значит, надежда стать нормальным существует.

– Ты не знаешь положение первого?

– Нет.

Начальник не врал – Рэй чувствовал.

– Это слишком опасная игрушка, чтобы к ней мог приблизиться кто угодно. Слишком умная.

Хантер не знал, что чувствовать – облегчение от того, что шанс выздороветь есть? Бездна отчаяние, предчувствие, что поле не отзовется? Кто он такой, чтобы «умная игрушка» доставалась именно ему?

– А что я буду делать сейчас?

И за непроницаемым выражением лица пытался скрыть

испуг от грядущей фразы: «Увольняйся. Ищи работу, ведь боец из тебя больше никакой...»

Как и работник. Как и любовник. Как и человек.

– Кем? А ты потерял возможность шевелиться, чувствовать? Или тебе разонравилась профессия картографа? Плачу я вроде бы хорошо. А насчет бойца – побудешь пока в запасе...

В тот вечер Рэй понял, что любит Начальника – молча, но всем сердцем.

Глава 1

Три года спустя.

– Вам нравится мороженое со вкусом хлебных крошек?

Тамарис мороженое не нравилось. Кто в здравом уме положит во вкуснейший пломбир жженный черный хлеб? Но вокруг ведь «знатоки», ценители необычных и изысканных вкусов, и потому она сдержанно кивнула:

– Очень экзотично.

За прошедшие три года она научилась многому: улыбаться там, где нужно (неискренне, но вежливо), чинно кивать головой, хранить «умное» молчание и не предаваться глупым, щенячим (но искренним) восторгам, проявления которых так не любил Вальдар.

Сам он сидел рядом. С другой стороны «учитель», дальше его жена – немолодая блондинка с жидкими, но ежедневно завитыми в локоны волосами.

Тами жевала молча. Почти давилась «уникальным» пломбиром, поданным шеф-поваром ресторана «Карье», куда они все завернули после вечернего просмотра нашумевшего спектакля.

«Опять рекомендованного очкариком».

Кто бы сомневался – она почти привыкла. Почти.

На запястье Вальдара блестели дорогие часы – те самые, модные, из журнала. За шесть с половиной тысяч долларов.

Тами предпочитала на них не смотреть, чтобы не вспоминать, каким именно образом они ей достались.

Про выстрел (или лучше сказать «убийство»?) она тогда никому ничего не сказала. Ни про испытанный страх, ни про свою смерть, ни про последующее восстановление. Ни тем более про последствия в виде плохого сна, поселившейся в ней с тех пор апатии, ни про накатывающую временами депрессию, во время которой ей не хотелось совсем ничего, даже жить.

Но стоит ли о грустном?

Однако радостного вокруг тоже было мало – со взглядом Ванессы, очкариковой жены, Тами старалась не встречаться – бесил ее высокомерный и одновременно снисходительный вид. Плюс зрачки Ванессы были странного мутно-голубого и непрозрачного оттенка, как у дохлой рыбины, и иногда Тами ловила себя на том, что совершенно невежливо, но с отвращением рассматривает их, как рассматривала бы ожившего зомби. Сам очкарик шумно и быстро поедал похлебку из морских гребешков, которую в перерывах между всасыванием жижи с ложки, нахваливал. Вальдар со спокойным и умным видом кивал на слова Ванессы о том, что «спектакль получился замечательным, актерам удалось передать образы на „ура“» и еще какую-то хрень псевдо-культурного содержания.

Играла музыка. Неплохая, с искаженной и непривычной для слуха гармонией Вирранских островов, и какое-то время

Тамарис заслушивалась ей, но через минуту мелодия закончилась – пришлось вниманием вернуться за стол.

«Что я здесь делаю?»

Кажется, этот вопрос стал главным за последние три года.

«Что я до сих пор здесь делаю?» Среди этих людей – чужих, неприятных мне и совершенно неинтересных. Ответом служило одно слово: Вальдар.

Она любила его. Скорее, как она сама поняла с течением времени, не его – эдакую совокупность черт характера (многие из которых она, к слову, терпеть не могла), – но его сногшибательную внешность. Вальдар был высоким и очень привлекательным мужчиной – крепким, зеленоглазым, с красивым (и чуть-чуть орлиным) носом, капризными, но великолепно очерченными губами. В плане внешности она с него млела. Как и с их совместимости в постели – ох, что они устраивали за игрища! И все было бы идеально, если бы ни очкарик, ни дурацкая школа, ни идиотское мировоззрение, ни желание изменить мир...

А дальше понеслось: «...ни вечная ненавидимая спесь „я тоже учитель, и, значит, я знаю, как лучше“, ни поводок, которым Вальдар был привязан к школе двадцать четыре часа в сутки, ни постоянные фразы „ты же должна меня понимать...“»

В общем, того, что бесило, если начинать счет на пальцах, всегда оказывалось неизменно больше, чем того, что не бесило, но Тами почему-то все еще сидела здесь – за столиком

в ресторане, в котором не желала быть.

«Почему я не уйду?»

«А куда?» – спрашивала саму себя. В одиночество? Вот, если бы появился кто-то другой... Или хотя бы просто дуновение свежего ветра, солнечный лучик через облака, хоть что-то, за что она могла бы зацепиться, то Тами моментально протянула бы руку. А там хоть трава не расти!

На ее пальце блестело кольцо – нет, не парное (кто бы сомневался, что Вальдар никогда не подарит настоящее парное после фразы о том, что «супружеский маятник всегда разрушает отношения»). Тьфу, что за дебилизм? Тами знала наверняка: отношения разрушает не маятник, но неуважительное отношение друг к другу. Невнимание, незабота, когда кто-то один ставит себя выше другого, и она совершенно точно знала, кто в их паре тот самый «один».

В общем, кольцо на ее пальце блестело широкое, заморское и с завитушками – по его словам, «кольцо силы».

И к своему стыду ей иногда хотелось выбросить его в урну.

* * *

Он всегда, когда «не хотел ее», ложился спать быстро и отстраненно. Снимал с себя одежду, аккуратно вешал ее на стул и бросал короткое: «Я устал».

Сегодня он устал.

Но перед тем, как погасить ночник и повернуться спиной, сообщил:

– На следующей неделе мы с учителем едем в Калтарию.

– Как? А я?

Опять – двадцать пять. Вальдар всегда куда-нибудь ездил именно с «учителем». Не с любимой женщиной (если она вообще когда-нибудь была его любимой женщиной), но с мелкорослым «гуру», который, оказывается, мог показать священные места, дать пояснения великим и могучим природным источникам, позволить своей «правой руке» соединиться с энергетическими потоками через собственное поле.

Тамарис лежала со вкусом болотной тины во рту. Ей даже не хотелось начинать спорить, потому как их последующий диалог она знала наперед с точностью до микрона:

«– Ну, ты же понимаешь, что никто, кроме него, не покажет мне страну во всей ее красе.

– Но мы ведь сами копили на нее деньги?

– Копили. И когда-нибудь съездим.

– Почему не сейчас?

– Потому что сейчас мы едем туда с ним.

– Но почему не втроем? Со мной тоже?»

(Хотя втроем ей никогда не хотелось)

«Потому что ты будешь мешать мне сосредотачиваться», – это, конечно, не прозвучит вслух. Но прозвучит извечное: «Ты же должна понимать».

Вальдар погасил ночник и лег на спину – собрался мо-

литься всем известным ему духам, чтобы те поделились с ним своей силой.

«Лучше бы с ним кто-нибудь умом поделился».

Тами обиженно сжала зубы и тоже повернулась спиной.

И хорошо, что ей ничего не ответили. Потому что, если бы снова прозвучала фраза «ты же должна понять», она бы не сдержалась, развернулась и плюнула ему в лицо: «Да пошел ты!»

* * *

(Алиса Кожжикина – Мы Так Нереальны)

С самого утра она ускользнула в библиотеку – читать книги по криптографии. Не хотела видеть, как проснется Вальдар, как дежурно поцелует ее перед уходом на работу, бросит: «Мне пора» – и хлопнет перед носом дверью.

Как будто не ее мужчина, не ее человек. А ведь так красиво все начиналось: трепетные поцелуи, слова о любви – он сказал их первым. Ее до глубины души восторгало, как он смотрел на нее, как касался, как обнимал. И тот факт, что уже через несколько дней предложил им съехаться – без тени сомнения, без колебаний. Мол, «ты же моя женщина».

О том, что добро на «любовь» и «переезд» дал «учитель» она узнала позже.

Книги можно было читать и дома, но Тами нравилось это старинное, высокое сводчатое здание, похожее на церковь.

Гулкие залы, высокие потолки, священная тишина, охраняемая престарелыми бдительницами порядка. Удобным являлся и режим работы – «открыто круглосуточно».

У старушки с бэйджиком «Анна-Мари Клэйтон» Тами спросила, как ей отыскать раздел программирования, а после, снабдив себя парой увесистых книг, уселась за дальний стол на разохшуюся скамью. Открыла первый томик.

Летнее утро, но хмуро и ветрено. Сквозь открытые окна непрерывно шелестели березы; кажется, собиралась гроза.

«От примитивов к синтезу алгоритма».

Зачем ей криптография? Она сама не знала. Но что-то случилось с ее головой после того выстрела – некий сдвиг мозга. Всегда люто ненавидящая алгебру, геометрию и другие точные науки, Тамарис вдруг начала испытывать непреодолимую тягу к различного рода шифрам и загадкам. К логическим пазлам, зашифрованным посланиям, в общем, ко всему, что на первый взгляд не очевидно, но в итоге (если поскрипеть шестернями) складывалось в стройную картинку.

Ей это нравилось. И в итоге превратилось в единственное, что отвлекало от грустных мыслей.

Уйти бы от него... Начать все сначала.

Она не заметила, что не читает, а вновь думает о Вальдаре: «Почему человек с идеальной внешностью не может быть идеальным по характеру?»

Или заново привить любовь.

Да. Которая, вроде бы, была вначале – кажется, полгода или около того, – но потом (когда она впервые назвала его учителя «очкариком») незаметно и неотвратно схлынула.

«Да ну его в задницу».

Тамарис заставила себя вчитаться в мелкий текст:

«Как передать нужную информацию нужному адресату втайне от других? Каждый из читателей в разное время и с разными целями наверняка пытался решить для себя эту практическую задачу (для удобства дальнейших ссылок назовем ее задача „ТП“, т. е. задача Тайной Передачи). Выбрав подходящее решение, он, скорее всего, повторил изобретение одного из способов скрытой передачи информации, которое уже было изобретено в том или ином виде до него...»

Лучше бы она занялась тем, что разгадала бы что-то важное. Нашла бы таинственную карту, отыскала бы клад, куда-нибудь съездила и отвлеклась. Не бесцельно, но с миссией.

Мечты.

«Что же является предметом криптографии? Для ответа на этот вопрос вернемся к задаче ТП, чтобы уточнить ситуацию и используемые понятия. Прежде всего заметим, что эта задача возникает только для информации, которая нуждается в защите...»

В последнее время ей до боли не хватало подруги – душевных посиделок, излиятий души тому, кто поймет, слов поддержки.

Но Ким после «эксперимента» будто подменили.

Они поначалу общались, да, но как-то натужно, стянуто. И в знакомых глазах вдруг стал просвечивать упрек: «мол, почему ты меня не отговорила?»

«Я тебя туда не тянула».

Они никогда не обсуждали это вслух. Тамарис стеснялась спросить, как все прошло у Ким – в нее тоже стреляли? Словно гиря висела на языке, словно вшили молнию в губы.

«А если ей попался тот, кто не стрелял, а, например, душил? Или сначала насильовал? Или резал?»

После этой мысли Тами вообще зареклась поднимать тему.

Говорили чаще о пустом – о бытовых делах, погоде, новостях. После перестали звать друг друга в гости, а еще через пару месяцев вдруг стало ясно, что «не звонить» почему-то приятнее, чем звонить.

И все. Нет больше подруги.

Тами слышала, что Кимберли уехала. Продала квартиру, снялась с места и скрылась в неизвестном направлении – без прощаний и весточки. Может, оно и к лучшему. Зато теперь никто и ничто не напоминало о злополучном «убийстве» или, лучше сказать, «самоубийстве» чужими руками, на которое она подписалась.

Её иногда интересовало, спокойно ли спал после того случая стрелявший в нее мужик?

Но она гнала от себя эти мысли – пустое. Она была дурой,

но большей ей не будет.

Осталось что-то решить с Вальдаром.

Однако если решение само не приходит, она не будет пытаться притянуть его, словно упирающегося осла на веревке. Лучше почитает. Все в нужное время придет само.

Глава 2

(Brand X Music – ReGenesis)

За последние годы он стал отшельником. Все больше пропадавал вдали от городов – чаще на природе, прочь от цивилизации. Когда рядом не было других людей, его отпускало: не так сильно давила на плечи плита неполноценности, расправлялась для глубокого дыхания грудь, распрямлялось сознание.

Вот и теперь Рэй стоял на вершине громадного утеса, в метре от его ботинка круто уходящего вниз почти на два километра, – спокойно созерцал низкое и размытое, похожее на перевернутый водопад небо. Внизу, так далеко, что не слышно, текла зеленоватая река; через обрыв по ту сторону горы. Позади них еще никого нет – Уровень закрыт. Возможно, когда-нибудь здесь встанет высотный из камня и стекла город; возможно, когда-нибудь к этому самому уступу, куда он потихоньку взбирался, интуитивно вынюхивая дорогу почти два часа, проведут канатную дорогу. Поставят ограждение, лавочки, дальноскопы. И будут здесь сидеть, наблюдая за фотографирующимися на память туристами, романтические парочки.

Это случится позже. Или не случится никогда.

А пока он один. Как практически всегда за последние три года – да, ребята поначалу обижались, звонили, спрашивали,

но однажды он их собрал и все начистоту объяснил. Звонки почти прекратились. Остались те редкие, которые про «как дела/жизнь/здоровье». Но чаще всего его телефон вообще не ловил сигнал, и потому был отключен. Хантера это полностью устраивало – он до сих пор числился в штате, выполнял свою работу отлично, Дрейк был доволен.

Тучи уже добрались до границы реки – скоро хлынет и здесь. Нужно поторопиться назад – Рэй за мгновение до того, как это произошло, ухватил ощущение надвигающегося паралича – замер для безопасности.

Он научился это делать – предчувствовать. Не заносить ногу в шаг, чтобы не упасть, не брать в руки горячее, чтобы не обжечься, не принимать неудобных поз. Четыре секунды – это долго. За четыре секунды может случиться всякое. Пришлось забыть про альпинизм – автоматически разжимались пальцы. И про вождение, конечно же, тоже, ведь застывшая нога на педали газа – то еще приключение. Жаль, потому что он любил водить.

Хантер отправился назад. Неторопливо, с опытом ежедневных путешествий по пересеченной местности, внимательно выбирал место для каждого шага, использовал для балласта длинную палку.

Возможно, дождь пройдет стороной и утес не заденет. Скорее всего, судя по направлению холодного ветра, так и будет. Но вдруг? Хорошо бы представить Начальнику поскорее отчет, но вечером по возвращению в город его снова на-

кроет, как и всегда. Это, как пульсация: сначала душат бессилие, ярость, обида, гнев. Затем они уступают место пустоте, далее спокойствию. После робкой радости. Радость, как он уже заметил, чаще накатывала на него здесь – в самых дальних уголках мира Уровней, – а вот раздражение возвращалось сразу же, едва он слышал гул машин, людских голосов, окунался в знакомый и некогда привычный быт.

Хорошо, что вниз ведет удобная и почти пологая тропа. Если хлынет, он не поскользнется – все засыпано песчаной крошкой и мелкой галькой, а это даже лучше, чем ребристые подошвы его выдавших виды ботинок.

Спустя пару минут Рэй ожидаемо «завис». Переждал, двинулся дальше.

Помнится, поначалу он «считал» приступы – пытался устраивать эксперименты, искал закономерность. Сутками напролет сидел с секундомером в руках, записывал в блокнот данные о том, через какое время случались «зависания», даже ставил на ночь камеру в спальне. Выяснил немного: в периоды расслабленности паралич приходил через пять, максимум через шесть минут, а вот, если Хантер начинал волноваться, то промежутки сокращались до двух, а то и до полутора минут.

В общем, верно, что его отправили в запас, – какой с него боец?

К Лагерфельду ходил еще трижды – безрезультатно. Искал ответы на вопросы у Бернарды, Фурий; звал, понятное

дело, «квантовое поле». Сколько раз? Сто? Пятьсот? А, может, «стотысячпятьсот»? Мысленно и вслух объяснял этой невидимой субстанции ситуацию, просил о помощи, взывал, увещевал, клялся, просил прощения...

Поле не откликалось. Наверное, недостойн.

Шумел внизу лес – все-таки хорошо здесь. Свежо, чисто, ново. Может, построить себе, как Баал когда-то, избушку? Портал недалеко...

Одно положительное качество у «подарка» от антиматерии однако имелось – подвисяния научили Рэя созерцать бытие так, как он никогда не смог бы в обычной жизни, при обычном ее темпе. Кто в здравом уме вдруг стал бы засматриваться, например, в лужу? Или на небо? А он засматривался. Потому что когда накатывал паралич, застывали и глазные мышцы, и тогда Хантер выпадал из «ритма». Через несколько месяцев заметил, что ему это даже нравится – смотреть. На грязный бок машины, основание фонарного столба, из собственного окна, на ножку лавки в парке, на прибитый к обочине лист. Всего на несколько секунд, но Хантер будто становился ими – грязным боком авто, фонарным столбом, оборванным листком – и наблюдал за привычной Вселенной совершенно с другого ракурса – нечеловеческого. Застывало тело, замирало сознание – углублялось, прояснялось, делалось чистым.

И он научился ценить то, что никогда не умел, – малое, почти незаметное. Вкус сахара после глотка кофе на языке,

вязкую текстуру плавленого сыра. Холод и сырость капли воды, сорвавшейся с карниза и упавшей ему на ладонь; запах свежести по утру на балконе. «Застывания» погружали его в иную реальность, в вынутый из киноленты жизни кадр, который он успевал как следует рассмотреть.

Поначалу Хантер злился даже на собственное удовольствие от новых ощущений, а потом подумал – чего ради?

В его новом положении есть всего два пути: гневаться на судьбу со всеми вытекающими или же уметь радоваться со всеми вытекающими.

Нет, он не перехотел стать «нормальным», но настолько, насколько смог, унял нетерпеливость, отчаяние и гнев и выбрал радоваться.

Сперва не получалось: мозг – он, как мышца, без осознанной тренировки слаб. Но Рэй был настойчив и к третьему году жизни в качестве «просто картографа» сумел удерживать настроение на отметке позитива чуть дольше, чем негатива.

* * *

В Нордейле ему почти сразу же захотелось выпить. Как калеке, вернувшемуся с войны без ноги и попавшему в общество двуногих, его моментально потянуло в сторону бара – «не помнить/не ощущать/забыть». Алкоголь забывать не помогал, но напряжение частично снимал, и потому Хантер свернул под уличный тент первого попавшегося на пути ре-

сторана – уселся за столик поближе к стене, не открывая меню, заказал бренди. Официант кивнул и удалился.

В городе тоже моросило.

Что за лето? Самая его середина, а мокро, как осенью. Всего четырнадцать градусов тепла; он кутался в походную куртку.

Принесенный бренди согрел не только желудок, но и чуть-чуть сердце. Правда, Хантер, набрав его в рот, завис – не учуял «прихода» – и после четырех секунд с обжигающей жидкостью во рту закашлялся. Попало в нос, на скатерть, на джинсы. На него оборачивались.

«Идиот».

Он отдышался и глотнул еще раз. И еще. Наверное, стоило бы заказать закуску, но ему хотелось только пить.

В городе он всегда вспоминал ребят – чем сейчас заняты, над чем работают? Собираются, наверное, так же часто, как и когда-то. Может чаще – у всех женщины. Только он один, потому что придурок...

Позитив удержать не удалось.

Бренди развязал куль с запертыми мыслями, выпустил их, словно змей, наружу, и те от души кусались. Благо, он «обезболился».

А ресторан оказался дорогим: накрахмаленные скатерти, позолоченные приборы, кожаные меню. Потому и посетителей немного – кому захочется платить за колбаски к пиву, как за набор ювелирных украшений в вазочке?

Дороговизны он не заметил. Плевать. Начальник даже «калекам» платил достаточно.

Тучи бродили снаружи, но еще темнее была погода внутри. Выпить, еще выпить, еще... Черт, да что на него сегодня нашло? Обычный вечер, как множество других, он живой, дышит. Но очередная петля депрессии, оказывается, поджидала за углом – он попался в нее сразу и намертво. Опять думал про то, про что обычно себе запрещал: он не должен был тогда стрелять. Да, возможно, девчонка жива – гадать бесполезно, – но на том экзамене он пошел против себя. В жизни бы сначала допросил ее, убедился, что виновна, собрал бы доказательства. Да и то навряд ли убил бы лично – сдал Дрейку.

А в том, что тот проклятый выстрел связан с подарком от антиматерии, Рэй не сомневался. Не предал бы тогда себя, не поперся бы хрен знает куда, не заплутал бы, не сунулся бы в пещеру...

«Все, пустое, стоп», – уговаривал сам себя, но чувствовал, что уже покатился с горы, что сегодня напьется вдрабадан.

«Отвлекись, старина, переключись на что-нибудь другое».

«Подвис» он вовремя – с застывшим в руке стаканом. И пока не донес его до рта, услышал разговор тех, кто минуту назад занял столик позади его собственного.

– Раскололся?

– Нет – всё те же, всё то же. Называет координаты, кото-

рых не существует.

– Врет?

– Не может он врать, накачанный тетрализатором.

РэЙ так и не сделал очередной глоток – напрягся.

«Тетрализатор» – жесткое средство. Наркотик для «выбивания» правды – после введения в кровь не позволяет человеку лгать, отключает определенную функцию мозга. Однако побочных масса – в отряде им никогда не пользовались.

«Потому что в отряде был Халк». Есть Халк. Это Хантер там был – бренди качнулся, приготовился быть выпитым, но позади заговорили опять.

– А какие координаты он называет?

– Полный бред – их нет ни на одной карте.

Разговаривали двое: первый спокойный, псевдорасслабленный – босс, – второй напряженный, суетный и злой – наемник, не способный принести заказчику хорошие новости.

– Смотрели только карты Четырнадцатого?

– Нет, смотрели все Уровни, включая острова.

– Жаль. Что ж, продолжайте работать – мне нужно расколоть этот шифр.

«Шифр».

Что-то мелькнуло в голове у Рэя, словно тень, он не успел даже ухватить крыло интуиции.

– Конечно.

– Найдите другие карты, засекреченные, допросите более жестко.

– Будет сделано.

Один из гостей поднялся со стула, собираясь уходить, второй остался.

Рэй осторожно обернулся, сделал вид, что привалился не на спинку стула, а к стене – мол, так удобнее, притворился, что перепил, – на него посмотрели и отвернулись.

Заказчик: лысый, холеный, в пальто, белой рубашке и галстук. У тротуара черный джип с водителем – явно его. Намник: тоже лысый, высокий, с бородой. Глаза мелкие, морщины глубокие – неприятный, в целом, типок.

– Что будет, если не расколем?

– Расколете! – разозлился и рявкнул холеный. После успокоился, добавил тише: – Расколете. Или будем пересматривать условия оплаты? В конце концов, это действительно могут быть координаты. Подозреваю, что шифр – это индикатор к следующей цели, стрелка, так сказать...

«Маркер».

Это слово зажглось в голове Хантера, как неоновая вывеска на фоне ночного неба.

Маркер?

Херня. Быть не может.

«Просто дешевые криминалы перехватили писульку конкурентов и пыжатыся».

Но он вдруг почувствовал, что уже достает из нагрудного кармана кошелек и вытаскивает из него двадцатку. Это за бренди – хватит и на чай.

Может, и писулька. Но он должен проверить каждую чертову писульку, которая называется шифр. Особенно, если та содержит нелогичные для других координаты.

(Sparzanza – Follow Me)

Таксисту, найденному в мокнущем авто у обочины, он бросил коротко: «За тем мужиком».

Сам шумным медведем загрузился на заднее сиденье, хлопнул дверцей.

– Что, обалдел, что ли? Я в «догонялки» не играю.

Прешираться долго. Вместо этого Рэй достал пистолет, навел дуло на чужой висок.

– Не зли меня.

– Понял, не злю.

Водитель не обоссался, хоть и побледнел. Прикинулся бодрым и вдохновленным идеей киношного преследования, завел мотор, вывернул с обочины. Спросил коротко:

– За белой?

– За белой, – кивнул пассажир, уловивший, куда уселся бородач. – Не упустишь, заплачу тройной тариф.

С переднего сиденья не стали спрашивать, что будет в ином случае; лишь дернулся под небритой кожей кадык.

Таксист оказался неплохим преследователем. Цель держал хорошо, не слишком приближался, часто менял полосы, намеренно отставал, где нужно, после догонял.

Наверное, сыграл роль пистолет – Рэй даже после отставки всегда носил оружие при себе. Потому что не бывает бывших солдат, бывают только мертвые.

Моментально выветрилось опьянение – сработала старая привычка нейтрализовать алкоголь сознанием; кружили, словно черные птицы на фоне туч, слова: «... шифр – это индикатор, стрелка, так сказать...»

«Координаты не находятся ни на одном из Уровней...» – это даже хорошо. Он найдет любые – ему не нужны карты. Главное, их узнать.

«И убрать того, кто уже узнал, – конкуренты в гонке за плазмой ни к чему».

Неужели она решила покориться кому-то другому? И неужели он снова готов стрелять? После трех лет и сразу в человека?

Хантер вдруг ощутил, что немного стал прежним собой – собранным, цельным, решительным.

Если то, за чем он гонится, – это маркер, если это нужные ему координаты, – да, он готов стрелять. Хоть в кого.

Но лучше обойтись без ненужных жертв.

* * *

– Ты в курсе, что у меня приказ тебя убить?

Бородач оказался лохом – не заметил слежки, приведшей обе машины к складам на окраине, не заметил, как сквозь

темные коридоры за ним по пятам следует тень.

«Злым лохом».

– Я сейчас как вдарю тебе прикладом, и ты быстро выдашь все, что нужно, понял?

Квадратная комната, заставленная по периметру ящиками; под потолком лампочка на проводе. Полумрак, запах сырости, крови и чужой боли.

Наемнику хотелось денег. Быстрых, хрустких и без проблем. А привязанный к стулу парень с залитым кровью лицом лишь неразборчиво булькнул. Его шея не держала слишком тяжелую голову – он походил на сломанную куклу. Бородачу, чтобы ему смотрели в лицо, приходилось держать пленника за волосы.

– Говори! Говори, черт бы тебя подрал!

Рэю не нравились звуки, которые доносились из горла привязанного, – у того будто отекли связки. Плохо дело – побочка тетрализатора.

Времени мало.

– Кажется, я зря трачу на тебя время...

Бородатый замахнулся, чтобы ударить парня по лицу, – хотел в очередной раз припугнуть, – но Рэй знал, что любой удар сейчас может стать последним, – и потому выстрелил. Попал наемнику в бедро, быстро выскользнул из укрытия, приложил лысого по голове, чтобы тот отключился и не стонал, проверил зрачки – живой.

Парень на стуле на звуки, от которых переполошились все

летучие мыши под крышей, даже не отреагировал.

«Время на исходе».

– Эй, слышишь, ты? Я тебя освобожу. Только дай мне шифр, и я вытащу тебя отсюда. Тебе нужно в больницу...

Тот захлебывался, кашлял. Точно, отек гортани, отек трахеи... Зрачки расширены до максимума; осознанных реакций ноль.

Идиоты, идиоты!

Пока Хантер пилил ножом веревки на лодыжках, пленник закашлялся особенно сильно. После захрипел громко, сипло, задергался в конвульсиях, начал исходить изо рта пеной.

– Эй, эй, держись, – Рэй поднялся, – слышишь?!

Он опаздывал. Нет, он опаздывал секунду назад, а теперь он опоздал. По опыту знал, как стекленеют глаза, когда из тела выскальзывает душа, – видел это столько раз, что уже никогда не ошибался.

– Черт, как ты не вовремя.

«Игра, – спокойно изрек бы сейчас Дрейк. – Любая жизнь, любая реальность – Игра. Никто и никогда не умирает».

Рэй чертыхнулся еще раз, тяжело вздохнул, подумал, что еще есть бородач, – он слышал эти самые координаты, может быть, помнит их. Если нет – Халк вытащит. Это из мертвеца уже ничего не вытащить...

Он собирался спустить почившего со стула и положить на землю – в знак уважения, – а после прихватить лысого с собой.

«Может, все зря? Чужие разборки, чужие загадки – таких в Нордейле за минуту происходят сотни. Зачем он ввязался?»

Писулька.

Конечно, писулька.

Толстые веревки лезвию ножа поддавались тяжело – *такими только морские узлы на палубе вязать*, – Хантер почти перерезал их, когда из пальцев пленника выпала на грязную землю бумажка. Заляпанная кровью, мятая – половинка блокнотного листка.

Он развернул ее и моментально словил очередной паралич – в неверном свете потолочной лампочки перед глазами застыл набор из символов.

Шифр.

От мертвеца пахло мочой и кровью; очнувшись, Хантер быстро поднялся и отошел – черт с ним, пусть сидит.

Все, ему пора, даже бородач больше не нужен – маркер, если это он, в руках.

Что делать с тем, что наемник уже знает координаты? Ничего, Хантер снесет ему башку, если встретит на своем пути еще раз.

Он оставил все, как есть: одного на стуле, второго на земле – все это больше не его дело, – и с пистолетом наготове отправился со склада.

(Vybe Beatz – Fck the world)

Теперь он пьянел от ощущения единения с собой прежним – жестким, стальным и очень собранным. Паралич скоро останется в прошлом, потому что, возможно, это маркер...

Возможно.

Он вернется в отряд, будет усиленно тренироваться, наверстает упущенное. Отыщет эту чертову девку, чтобы успокоить совесть, убедится, что она жива, а после забудет последние три года, как никогда не существовавшие. Хорошо, что времени – жопой жри. Дрейк молодец, умница.

Почти час ушел на то, чтобы программно очистить сканшифра от пятен крови – последние могли сбить с толку криптопрограмму.

Все, готово.

Впервые Хантер чувствовал себя в своем доме, а заодно и в этом мире, не как незванный и не особенно желанный гость, но как хозяин. Былое возвращается. И черт с ним, если он поверил напрасно – одно лишь обретение назад собственной силы того стоило. Даже если временно.

Интуиция шептала одно слово: «Оно!» – а интуиции он верил.

Уже спустя несколько минут, удостоверившись в чистоте

файла, отправил скан в универсальный дешифратор, написанный когда-то Логаном, задал параметры, нажал «Пуск», приготовился ждать.

Пусть работает, сколько нужно, пусть раскалывает код – он подождет. Нальет себе кофейку, ухмыльнется, если зависнет возле кофейника, плеснет пару капель коньячку – *а то ведь последний стаканчик в ресторане так и не допил...*

Но подняться со стула не успел – на экране высветилась надпись:

«Данные системной дешифровке не поддаются».

Рэй грозно уперся кулаками в стол, перечитал и завис перед монитором. Переждал четыре секунды, зацепившись взглядом за слово «системной», нажал «Пуск» еще раз – может, ошибка?

Но система Логана – не прошло и тридцати секунд – вновь выдала тот же результат: «Совпадений не найдено».

Кофе забылся. Хантер порадовался тому, что не почувствовал привычного упадка сил или апатии – наоборот, неудачи подстегивали под задницу, как кнут.

Достал телефон, набрал Эвертона. Произнес:

– Логан? Привет. Слушай, дай мне доступ к Комиссионной системе дешифровки. Очень нужно. На тридцать минут.

Его звонку обрадовались. Но ответили, что Комиссия не любит, когда кто-то, пусть даже штатный программист, использует «Криптор» не по назначению.

– Логан, тридцать минут. Проси все, что хочешь!

«Пятнадцать, – бросили в трубку. – Ссылку для входа, логин и пароль пришлю на почту».

– Ты – лапочка! – улыбнулся Рэй и губами чмокнул трубку, из которой уже доносились короткие гудки.

Четверть часа спустя.

Кофе с коньяком остыл.

«Криптор» выдавал то же самое: «Код системной дешифровке не поддается», «Код системной дешифровке не поддается», «Код системной...»

А кто сказал, что будет легко?

Если это маркер (а Хантера неудачи программного обеспечения в этом случае даже порадовали), значит, он и не должен дешифроваться «системно». Системно мыслит машина – человеческая же логика часто бессистемна. Поэтому тот почивший парень на стуле смог записку прочитать.

Сукин кот, неужели придется возвращаться за бородачом и тащить его к Халку?

На дворе ночь, льет дождь.

А Хантер недобро улыбался.

Улыбаться он перестал, когда вновь, уже к полуночи, добрался до склада – еще не доходя до злополучной комнаты понял, что кто-то недавно здесь побывал.

Так и есть: пленника унесли, а наемнику, чтобы не болтал, прострелили контрольным башку.

Вот дерьмо.

Плохо, что лысого больше не допросить. Но хорошо, что маркер остался на руках, потому что одна зацепка – лучше, чем ни одной.

События развивались слишком быстро, почти стремительно, но он к такому за годы службы привык. Это кажется, что нет контроля, – контроль, если не терять голову, есть всегда.

По пути назад Рэй решил, что завтра составит список самых лучших людей-логиков Нордейла.

Глава 3

(Apocalyptic feat. Lacey Mosley – Broken Pieces)

Вальдар, пока собирал чемодан, сыпал ценными указаниями:

– Не забудь, что у Ванессы во вторник языковой клуб, – сходи обязательно, развлечешься, подтянешь Вирранский – всегда полезно.

Полезно. Только в клуб к Ванессе Тами не пойдет ни за что – пыльное сборище, куда приходит и стар, и млад, чтобы попытаться перещеголять друг друга по важности. Идиотские задания и темы для общения – скукота и потеря времени. Кто хочет подтянуть Вирранский, может открыть учебник – пользы на порядок больше.

В чемодан отправлялись свитера, брюки, рубашки, многие из которых подарила Вальдару она. Сама выбирала, любовалась, после сама же стирала, гладила. А он носил, как франт.

– Если соскучишься по общению, позвони Фрэнку – кажется, ребята собираются в субботу на совместный ужин. Можешь присоединиться.

«Спасибо». Он всегда разрешал или не разрешал ей что-нибудь, и это бесило. Конечно, он же лучше знает, какая именно компания ей нужна – подобранная из тех, кто считает себя избранными хотя бы потому, что был принят в «Шар

благополучия».

– Если будут пить или курить трубку, воздержись, – я вижу негативные последствия.

Вальдар с умным и серьезным видом смотрел внутрь себя. Там он непостижимым образом «видел», что «сюда ходи, а туда не надо». И «не ходи» встречалось у него в девяноста процентов случаев.

– Я буду слать тебе смс и фото из путешествия, да?

– Конечно, дорогой.

Тами сидела на диване, ее избранник, одетый в легкую футболку и джинсы, кружил у шкафов, и ей казалось, что, несмотря на их пространственную близость, они находятся в разных вселенных. Параллельных точно. Неужели он не видит ее, не чувствует? Что ей не интересны все эти компании, разговоры, люди... Даже его будущие фотографии не интересны, а в содержание смс она давно не верит.

«Люблю», «Как мое солнышко?», «Целую тебя» – слова всегда были правильными, вот только в глазах она давно не видела теплоты. Как так может быть? Еще одно разделение, сбивающая с толку «вилка».

– Денег мне оставишь?

– А у тебя разве нет? Ты же понимаешь, у меня могут быть непредвиденные расходы...

Ее деньги он всегда тратил с удовольствием. А вот давать – не давал, только приносил четко рассчитанную сумму им на еду. Обидно. Она почти привыкла, но иногда все-таки

вспоминала, как принесла тогда семьдесят пять штук баксов, – соврала, что выиграла в лотерею.

Он радовался – о, да. Когда выбирали ему часы, когда ходили по дорогим бутикам, когда она баловала его, как проклятого альфонса.

А потом... предложил отнести остаток в Школу – мол, пусть работают во благо?

Тами тогда поперхнулась.

Вальдар убеждал: «В Школе они превращаются в денежную энергию, которая магнитит другую...»

Да-да. И не на ту ли самую энергию очкарик каждый месяц катается по островам? Не на нее ли одевается по последнему писку моды, таскает модные «цапки», курит лучший на Уровнях табачок?

Тами уперлась быком.

И Вальдар, кажется, охладел к ней еще больше.

А она охладела к тому, чтобы дарить подарки мужчине, воспринимающему их снисходительно и как должное. Человеку, который сообщил ей, что, дескать, она, дура, не понимает, что и в лотерею выиграла только потому, что они «немного научили ее жить».

Они? Ее?

«Да ну нах№...»

Ответ так и застрял в ней ядовитой колючкой, которая до сих пор (не всегда, но при удобном случае) зудела злобой и болью.

Они. Научили.

Если они чему-то научили ее, так это тому, что она давным-давно забила на внутренний голос и теперь, кажется, должна к нему вернуться.

Она не стала провожать его в аэропорт. Даже до такси. И на балкон вышла только для того, чтобы выкурить редкую, но такую необходимую ей сейчас сигарету.

Смотрела, как статный и всегда важный Вальдар грузит в багажник желтого авто чемодан, – все, он в путешествие. Как всегда, с очкариком. А она «сledi за домом, делай упражнения, набирай энергию благополучия, крути шар...»

Она крутила. Но только потому, что действительно не понимала – есть в этом польза или нет? Ей обещали – ты пробудишься. И Тамарис никак не могла отыскать верный ответ на вопрос: они вруны и шарлатаны, или же она еще «спит»? Вдруг Вальдар и Учитель – действительно гуру счастливой жизни, а она ленивая жопа, которой тайны мира не открываются лишь потому, что она мало крутит чертов «шар»?

Сигарета тлела в пальцах – слишком крепкая, мужская; хлопнула задняя дверца – машина выехала со двора.

«Давай, счастливой дороги», – пожелала без всяких чувств.

Уехал. На две недели.

И она, вместо того чтобы заскучать, вдруг напугалась, что когда он вернется, она все еще будет здесь.

Ей показалось, что под ногами возбужденно и жадно хлюпает невидимое болото.

(Two Steps From Hell – Down)

Две недели пусть и не жаркого, но от того не менее прекрасного лета в городе и в одиночестве? Перспектива отвратительная. Дурацкая, как и ее настроение.

Помыть полы, затеять генеральную уборку? Прогуляться по улице, по магазинам? Подыскать работу, а заодно и новый круг общения? А, может, вообще на поезд в неведомые и далекие края?

Тамарис как будто жила под давлением невидимой плиты, все пыталась подогнать себя под чужую выточку, чуждые ей втулки и дырочки. Заталкивала, запикивала, утрамбовывала. Пихала огромный воздушный шар в узкое квадратное отверстие – шару больно, а отверстию плевать.

Что даст ей прогулка? Вальдар вернется, а она здесь. Что дадут ей покупки – он вернется, а она здесь. Она никак не может сделать из себя то, что он заметит и оценит, она старается изо всех сил – разве он не видит? Как слепой – всегда ходит мимо, всегда говорит слова, которые отскакивают от нее, как мячики от зеркала. Почему они вместе, зачем? Его ответ прост: «Я ведь тебя люблю».

Она слышала про его любовь так много раз. И так мало ее видела.

Вместо того чтобы заниматься генеральной уборкой, Та-

ми сидела на диване и мечтала непостижимым образом стать свободной – от самой себя. Той части себя, которая вечно пытается понравиться Вальдару, сраному Учителю и заодно всем их ученикам, даже переплюнуть их, прикидываясь умной (я ведь женщина правой руки Учителя).

«Да-да, его верного пса».

Зачем?

Тишина, нет ответа. Наверное, потому что лучшей цели на данный момент у нее все равно нет. Но есть мечты о том, что однажды проснется она, а ее любимый человек вдруг посмотрит на нее, а не мимо, вдруг скажет не дежурное «все, мне пора на работу», а «слушай, к черту сегодня работу – пойдем куда-нибудь?» И она бы с радостью – хоть куда!

Только именно с работой он спал, ел, гулял, наслаждался и жил.

А Тами «желал» звать женой. Именно «желал звать», как он сам пояснил, а не «сделать» ее женой.

Потому и кольцо на пальце не парное – спустя полчаса, как такси унесло Вальдара в сторону аэропорта, Тами его сняла.

Откуда и почему ей в голову пришла эта идея, она не знала: она тоже уедет! Позволит себе отпуск на четырнадцать дней – от этой квартиры, насиженного места и окружения.

Сколько можно прозябать? Выберет самое чудесное направление, о котором только мечтала, купит билет – нет, на

самом деле купит билет, не в мечтах. Сколько можно ждать «пару», когда у самой две ноги, две руки и голова? Деньги есть...

Ее деньги – не его.

Не те семьдесят пять штук за «выстрел» – их они спустили на смену жилья, дорогую одежду, новую машину Вальдара, украшения, – остатки, которые она так и не отнесла в Школу, не в счет.

Деньги достались ей странным образом, почти мистическим. В первый раз это случилось около двух лет назад...

Ей позвонил незнакомый человек, попросил о встрече – Тамарис напряглась, но согласилась. Наверное, потому что хотелось простого «шага в сторону».

Встретились в кафе. Незнакомец, помнится, оказался низкорослым и некрасивым, с побитым оспой лицом, но доброжелательным, приятным в общении. Он попросил об одолжении: «Расшифруйте для меня записку».

«Какую записку? – удивлялась она. – Я не умею ничего расшифровывать».

Оказывается, умела. И выяснила это лишь потому, что дядька оказался настойчивым – вложил ей бумажку в руки, сказал, что вернется на это самое место через двадцать четыре часа и, если ничего, то, как говорится, «и суда нет». Обещал заплатить.

Она взялась не из-за денег, а просто потому, что не смогла его догнать и отдать послание – гостя быстро подхвати-

ло первое проезжающее такси, и Тамарис осталась стоять на обочине с замусоленным обрывком бумаги в руках.

«Шифр» она рассматривала долго – из любопытства. Гадала: почему позвонили ей, почему знали ее имя и телефон? С чего сделали вывод, что она поможет?

Вечером, чтобы не потерять, использовала его в качестве закладки в книге, которую читала, – когда начал морить сон, почему-то долго не закрывала страницу, смотрела на непонятные символы, пока – как это произошло, почему? – не случился невидимый сдвиг в сознании, и все закорючки вдруг не выстроились в ее голове в слова: «Верните груз на двадцать втором. Пристань».

Что?!

Сон мгновенно слетел. Она смотрела на бумагу еще и еще, но слова больше не проявлялись – шестерни в ее голове не шелкали, сообщение содержало закорючки и завитушки, но никак не буквы.

На следующий день послание было передано со словами: – Я совершенно не гарантирую, что там было именно это.

Ее поблагодарили и без слов вручили в полиэтиленовом пакете двадцать пять кусков. Двадцать пять!

Домой она тогда не шла – летела.

Деньги положила в запирающуюся шкатулку для украшений.

Вальдару о них не сказала.

Подобных первому случаю было еще три, и каждый раз ее просили что-то расшифровать. Тами расшифровывала – не знала, как. Знала только, что, если позволить глазам и голове расслабиться, происходит неслышный щелчок – сдвиг фокуса и восприятия. Всего за секунду, как в трехмерной картинке, смысл приобретало то, что не имело его, как она была уверена, вовсе.

Вот тогда она и стала интересоваться шифровальной наукой – криптографией. Но, чем больше читала, тем больше убеждалась, что криптография и то умение, которое находится в ее голове, не имеют практически ничего общего. Криптотекст имел логику, ее голова в моменты «видения» логики не имела.

Тами сделала один-единственный вывод: новые умения явились, вероятно, следствием выстрела. Комы, смерти – как угодно. А, может, даже не случайным, а намеренным подарком Комиссии, которая теперь изредка сообщала о ее знаниях «клиентам» и таким образом выплачивала потерпевшей «бонусы».

Если так – кто против?

Да, клиентов было немного, но к этому моменту в шкапулке накопилось почти сто тысяч личных денег. Личных.

И теперь она впервые решилась их потратить (нет, не на подарки Вальдару, от которых ее уже тошнило), но на саму себя. Впервые за последние три года.

Осталось выбрать направление.

* * *

– Здесь написаны дата и время.

– Вы уверены?

– На все сто.

Девчонка смотрела с превосходством. И еще чуть-чуть с раздражением – мол, как Вы можете сомневаться в моем профессионализме? Я же Вам присылала фотографии.

Да, действительно, присылала – фото почетных грамот и дипломов, заслуженных в чемпионатах логиков. Да и в списке значилось, что она из четырех – лучшая.

– Какая дата и какое время?

– Это я скажу только после оплаты.

Они встретились в кафе, Хантер и Мия Лаггом – четвертый за последние два дня человек-дешифровальщик. Первый, Нэт Дэймонд, ничего не смог и наглым образом пытался соврать о том, что в маркере сказано: «Передай Тайлеру, что мы согласны». Еще просил за это пятнадцать тысяч. Второй и третий, чьи имена Рэй благополучно забыл, честно признались, что не могут понять символы, и вот она – Мия – была четвертой и последней в его списке.

И тоже врал.

Смотрела на Хантера заинтересованно (не как на мешок с деньгами, но как смотрит на мужика баба), водила ноготком по столешнице и всячески флюидами призывала его по-

скорее покончить с деловыми отношениями и перейти к «не деловым».

– Значит, дата...

Хантер раздражался все сильнее.

– Да. Давайте уже отдадим друг другу то, что обещали, – Вы мне деньги, я Вам информацию – и разойдемся. Или не разойдемся. В любом случае, покончим с официальной частью.

У Мии были голубые, как летние небеса, глаза. Круглые, довольно профессионально покрашенные. И еще узкое лицо и такое же узкое, одетое в кожаный костюм (женщины-кошки?) тело. А так же жидкий хвостик из русых волос.

Рэй отпил остывший кофе; вокруг сновали официанты с кусками торта на подносах – зачем нужно было выбирать кондитерскую? Здесь, обросший и небритый, он чувствовал себя лучшим на праздничном сборище чистых и опрятных гномов.

– Я уверен, что в шифре, который я Вам дал, указаны координаты.

Этот секундный испуг в ее глазах стал для него триумфом – моментом самого большого за весь неплодотворный день наслаждения.

– А сразу нельзя было сказать?

Он зло хмыкнул:

– А зачем? Если бы я хотел, чтобы мне написали с три короба, я бы просто пошел к гадалке с шаром. Она обошлась

бы мне дешевле, и там бы я просто знал, что мне вешают лапшу на уши. А тут еще фотки дипломов.

Мия уносилась из кафе с вызывающе гордой и прямой спиной, а за ней, как за взмывшим в небо самолетом, тянулось шлейф «да пошел ты, умник».

Он и пошел.

После того, как расплатился за свой и за ее кофе.

«Дата и время» – замечательное, просто чудесное вранье, которое он никогда бы не смог проверить.

Что дадут человеку непосвященному знания о том, что что-то важное случится, например, пятого августа в двенадцать дня?

Ничего.

Вероятно, за идиота Мия держала не его первого. Дипломы? Ему было плевать, откуда она их взяла – купила, обменяла, насосала... Наверное, это круто – говорить всем, что ты – женщина-логик. И на коленях перед тобой ползают и бабы, и мужики.

По улице Рэй шагал в смешанном настроении. За последние два дня потеплело до двадцати, и прохожие сменили куртки на легкие кофты.

«Лето, ептить», – он усмехнулся.

«А ведь все гораздо проще... – думал он, отпирая входную дверь. – Если это маркер... Если это действительно маркер,

все ведь гораздо проще...»

Он никогда раньше не пользовался услугами информаторов, хотя знал многих, кто пользовался. И уж номерок точно имелся.

Про них поговаривали: «Инопланетяне, которые сидят в параллельной Вселенной – в той, которая чуть впереди и в которой все уже случилось. И потому все знают...»

Хантеру было совершенно наплевать, где именно сидят информаторы – хоть в смежной галактике, хоть у него за стенкой, лишь бы они ответили на один-единственный вопрос.

Кнопки сотового он жал быстро и уверенно. Когда на том конце отозвался мужской голос коротким словом «слушаю», Рэй не стал уточнять, туда ли он попал, – знал, что для непосвященного его вопрос все равно прозвучит глупо:

– Скажите, кто именно может расшифровать тот маркер, который у меня есть?

Одним вопросом он убил двух зайцев – дал возможность назвать точное имя, а также подтвердить тот факт, что найденная им бумага – настоящий маркер.

Собеседник без уточнений и пауз просто назвал сумму.

Хантер мысленно поперхнулся. Нет, он знал, что неуловимые «всезнайки» всегда брали дорого, но тут им хватит не просто на кофе с шоколадкой, но на целый товарняк с кофейным зерном. И все же он не разорится.

– Готов платить.

Эти никогда не врут. Никогда. И это в них самое ценное.

«Правда, сейчас он может сказать – *у вас не маркер...*»

До того, как прозвучал ответ, Хантер успел приготовить-ся к худшему. Даже сжал в кулак пальцы руки, которой не держал телефон.

– Вам требуется не логик, а паралогик. И, да, у Вас маркер.

Глоток воздуха после этих слов показался ему нектаром – пьянящим, свежим, восхитительно вкусным.

– Паралогиков на Уровнях всего два – оба стали таковыми после экспериментов, проведенных Комиссией. Их имена Макс Уоттсон и Тамарис Олтон. Первый, к слову сказать, уже мертв – ищите второго. Где? Дополнительная сумма.

– Спасибо, не нужно.

Рэй дал отбой и отложил мобильный.

После согнулся от нахлынувшего напряжения, уперся ладонями себе в колени, какое-то время стоял. Кому звонить? Логану? Маку? Сначала Логану...

– Эвертон, найди мне досье двух людей: Макса Уоттсона и Тамарис Олтон. Данные секретные, находятся в архивах Комиссии с пометкой «эксперименты».

Зачем ему мертвец?

Сам не знал, но почему-то чувствовал, нужно посмотреть на фото – об этом не слышно, но настойчиво просила интуиция.

Спустя десять минут Хантер, похожий на хмурую статую, сидел в собственном кресле с поджатыми губами: Максом Уоттсоном оказался тот парень, которого накачали тетрализатором и привязали к стулу на складе.

Откуда-то Рэй знал, жопой чувствовал, что все окажется именно так.

«Кто-то знает про маркер, про плазму. И про паралоги-ков». Тот, у кого много связей и денег, тот, кто вернулся на склад, забрал тело и добил лысого. Тот, кто не хотел конкурентов, – вот только поздно.

Значит, вторая девка паралогик на очереди.

Как, бишь, она выглядит?

Когда он открыл файл и взглянул на фото, то ощутил себя так, будто его невидимой рукой ударили под дых – ни вдохнуть, ни пошевелиться, ни выдохнуть.

С фотографии на него смотрела та, которой он когда-то прострелил башку.

Та. Самая. Девка!

Да ити его раздери!

Когда Рэй все-таки сумел выдохнуть, а после отдышаться и вытереть испарину со лба, он выдохнул одно-единственное слово:

– Живая...

Следующий звонок он сделал еще до того, как поставил нагреваться чайник.

– Мак? Привет. Отыщи мне одного человека. Сейчас? Да, сейчас... Фото я уже бросил тебе на почту, посмотри.

Прошла минута или около того до того, как преследователь выдал ответ.

– В самолете?! В Золотую Бухту?

Черт...

Хантер бросил трубку сразу после того, как сказал «спасибо».

Кажется, сегодня не до чая. И не до вкусного обеда – поест то, чем будут кормить на борту.

Третьим звонком он заказал билеты на ближайший рейс до Маркаса – центрального аэропорта острова.

* * *

«Через три часа наш самолет произведет посадку в Караллгосе – столице Золотой Бухты. Полет будет происходить на высоте...»

Из динамиков неслась типичная ерунда про температуру, про время, про то, что «мы надеемся, полет вам понравится».

Рэй терпеть не мог цивилизацию, потому что в ней он чаще зависал. Вот и теперь замер с вытянутой вверх рукой, жмушкой на кнопку вызова стюардессы – в хвосте настойчиво ухал звонок, уже не просящий, а орущий: «Подойдите ко мне кто-нибудь!»

К нему подошли с улыбкой, но с таким взглядом, что он сам с удовольствием вылил бы себе кипяток на штаны.

– Чем могу помочь?

– Мне, пожалуйста, бутылочку виски, беруши и тканевые очки – желаю поспать.

Накрашенная, как манекенщица, стюардесса кивнула и удалилась. Зато тут же приклеилась сидящая у иллюминатора немолодая дама, которая не желала, чтобы «красавчик-сосед» спал.

– Ой, знаете... А я так боюсь летать! – она взялась за его локоть морщинистыми пальцами с накрашенными вызывающим глянцевым лаком ногтями.

– Бойтесь, – буркнул Хантер, который в этот момент отчаянно завидовал всем на свете телепортерам. Какого черта Дрейк не поставил Портал из Нордейла в Бухту? Если обходными и на машине, то выйдет даже дольше, чем по воздуху, – о чем только думал? К романтике, что ли, призывал?

– Ну, зачем так грубо?

Рэй положил свои пальцы поверх наглых соседкиных и как назло завис.

Та заметно воодушевилась:

– Вот и я подумала, что бояться вместе, это так...

В этот момент Хантер «отмер» и спихнул чужую руку с локтя.

– Бойтесь в одиночестве. И меня больше не трогайте.

Сбоку оскорбились – запыхтели, заворочались, отверну-

лись на девяносто градусов к окну – он не возражал.

Уже после того, как выпил виски, воткнул в уши беруши и прикрыл половину лица очками для сна, Рэй думал о том, что судьба не могла подставить его больше – сделать паралогиком девку, которой он прострелил лоб. Нет, это вообще возможно представить? Да она окажется последним человеком в мире, кто согласится ему помогать. Черт, если бы больше времени, он подготовил бы маску, явился бы к ней в чужом обличье, как обычный «клиент», пообещал бы заплатить. Хотя маска помогла бы только при краткосрочном знакомстве, потому что ее нельзя носить дольше двух часов, а им вместе, возможно, разгадывать не один маркер.

«При условии, что она согласится».

Он бы на ее месте не согласился.

Хантер вздохнул – везде ловушки.

Придется идти так, как есть. Его, скорее всего, выпрут, ему, если повезет задержаться возле нее хоть на минуту, наговорят такого, что уши отсохнут. И хуже всего то, что он все поймет, потому что виноват. Не с точки зрения Комиссии, но с точки зрения собственной совести.

Лучше бы в рулетку, в лотерею, в «барабан» – шансов выиграть больше.

«А если она не согласится?»

«Точнее, что ты будешь делать после того, как она точно не согласится?» – с издевкой вопрошал внутренний голос.

И Рэй знал ответ – он ее принудит.

И тем самым из мудака делается еще большим мудаком.

Тремя часами позже.

Едва поверхность шасси коснулась асфальта, он уже набирал сообщение Маку:

«Держи меня в курсе по координатам объекта. Каждые пять минут, пока не напишу „стоп“».

В ответ высветилось «ОК». А также первый набор из цифр – текущее местонахождение Тамарис Олтон, прибывшей в Караллгос предыдущим рейсом.

* * *

Тами выбрала лучший номер из возможных – гулять так гулять: двухкомнатный люкс с балконом. Теперь наслаждалась видом бирюзового моря, вдыхая до краев наполненный солью воздух и... думала о том, как здорово бы им было здесь вместе с Вальдаром. Только расслабленность, выключенные сотовые, цветастые шорты в чемодане, вольное и игривое настроение...

«Стоп, – обрубилась она самой себя, – это все мечты. Это не про Вальдара. И вообще, разве она приехала сюда его ежесекундно вспоминать?»

И вдруг осознала: на самом деле ей хочется, чтобы сейчас он ее увидел. Одну, стоящую на балконе дорогой гостиницы.

ницы в дорогом номере. Свободную, счастливую, самодостаточную и... мстящую ему на всю катушку.

Мда.

Тяжелый вздох.

Легко, расслабленно и весело – это про то, что снаружи. Про пляж, на котором валялись люди, про прибрежные волны, в которых, похожие на темные мячики, покачивались головы, про визг купающихся, про киоск с мороженым, к которому тянулась очередь. Про прогуливающих прямо в купальниках по набережной людей, про облака, про безмятежных, но очень крикливых упитанных чаек...

А Тами, в противовес внешнему веселью, пока чувствовала себя мрачно.

«Ничего, отойдет».

Она просто не привыкла расслабляться – всегда на виду, всегда кому-то пыталась угодить. Просто забыла, как это делать «себе».

Из зеркала на нее смотрела унылая на вид деваха с приятными, но усталыми чертами лица в обрамлении длинных каштановых волос. Милое лицо – ротик, носик, губки, – но забывшее, для чего сделано: губы не улыбались, глаза не блестели, нос не чувствовал прелести морского бриза. Плечи и талия ничего, грудь – средняя «ниоchemка», а вот противные бедра, за последние пару лет набравшие несколько лишних килограммов... Нет, она не жирная, но теперь «жопастая»,

что ли, а еще блеклая, как амеба. В общем, отражение так себе.

Тами отошла прочь от зеркала.

Ничего, спустя две недели на нее из того же самого зеркала будет взирать совсем другая женщина – посвежевшая, ожившая и загоревшая. У нее будут свои замечательные фотографии с отпуска (лучше Вальдаровых), свои греющие душу воспоминания и совершенно новый запас сил.

«Надолго ли?»

Это тему она предпочла мысленно не мусолить.

«Насколько хватит, настолько и хватит».

А вообще – ей бы приключение! Чтобы не одна на пляже или экскурсиях две недели подряд, а вдруг неожиданный симпатичный новый знакомый. И тогда коктейли в баре, ночи у моря, кружение в танце, новые чувства – ведь никто не запрещал флиртовать? Сколько можно мариноваться сардиной в банке?

– Жизнь, дай мне приключение, а? – просила Тамарис, направляясь в ванную. – Чтобы не скучно, чтобы было что запомнить.

Ну, ведь случаются у людей всякие неожиданности? Вот и ей бы парочку головокружительных.

Сейчас душ, затем отдых, после ужин в ресторане. А дальше по обстановке: дискотека, бар или прогулка у моря.

План был простым, но ей нравился.

Здесь, в отличие от Нордейла, солнце на жару не скупилось – щедро поливало ей зеленые холмы, высоченные деревья с удивительными плоскими горизонтальными шапками, белокаменные особняки, мощные мосты и фонтаны. И, конечно же, безмятежной голубизны море – ожерелье Бухты.

За сорок минут в такси при включенном кондиционере Рэй вспотел – не по погоде кофта и куртка, слишком тяжелым для здешних мест казался походный рюкзак, который он по привычке прихватил с собой. Сюда бы пляжную сумку и сланцы... Но он не за этим.

Мак телеграфировал: «Координаты без изменений», – и Хантер в очередной раз мысленно воображал местность, растворял с нее объекты до того состояния, чтобы остался лишь голый рельеф, отыскивал нужную точку, а после обратно воссоздавал в воображении здания – профессиональное умение картографа. Выходило, что Тамарис остановилась в гостинице под названием «Радужный павлин» (хм, странное название, а? Уж лучше бы «Лава-закат» или «Бронзовый прибор»), но не ему решать) и там пока оставалась.

Ему желательно успеть увидеться с ней до того, как она покинет номер.

Администратора беспокоить не пришлось – Мак сооб-

шил, что «жертва» находится в люксе 1-12, расположенном на верхнем этаже. Рэй поблагодарил друга за точные данные, незамеченным гостем пробрался в лифт и тут же принялся печатать Логану.

«Открой для меня номер 1-12, отель Радужный Павлин, Караллгос, о. Золотая Бухта. Срочно!»

Дошел до единственной на этаже двери, прислонился к стене и принялся ждать.

Будет плохо, если она выйдет первой. Куда лучше, если внутрь аккуратно проберется он сам. Чтобы без лишнего визга и криков.

Ну же, Логан, ну...

Возможно, программист мог быть чем-то занят, но доступ к коду Комиссии делал взлом возможным из любой точки пространства. Конечно, Хантер после «проставится».

Из-за двери, кажется, не доносилось ни звука – нет, тихий плеск воды? Объект в ванной – идеально.

Логан, быстрее.

Мимо прошагала, толкая тележку со швабрами и чистящими средствами, низкорослая и кудрявая уборщица. На Рэя взглянула подозрительно, но все же натянуто улыбнулась – он улыбнулся в ответ, как можно расслабленной. Черт, не пристало ему тут стоять – поломойка сейчас доложит о нем охране.

Логан, черт тебя подери...

Тихо пикнул телефон, на экране высветилось слово: «От-

крыто».

Рэй выдохнул с облегчением – низкий тебе поклон, самый лучший на свете друг. А после осторожно скользнул внутрь.

Убедился, что девчонка плещется в ванной, быстро осмотрелся и спрятался за стеной в спальне – напротив двухспальной, накрытой розовым шелковым покрывалом кровати.

Он схватил ее со спины, едва она вошла в комнату: одной рукой зажал рот, второй плотно обхватил руки, чтобы не дергалась, – подивился тому, насколько сильной она оказалась в состоянии аффекта. Тамарис даже с зажатым ртом визжала, как поросенок, дергалась, извивалась, пыталась неуклюже пнуть его, куда получится.

– Т-с-с-с, тихо, тихо, уймись, – рычал Хантер ей прямо в ухо. С влажных еще волос стекала вода, под белым махровым халатом он чувствовал голое тело, – уймись, ты, слышишь?

И почему судьба постоянно сводит их так жестко? Не соседями на улице, не романтической парой при свечах, не в виде незнакомцев у кассы в супермаркете. Почему он всегда делает что-то против ее воли?

– Да тихо, ты, тихо, – рыкнул Рэй жестче, когда понял, что даму накрывает истерика. – Я не маньяк, поняла? Не насильник, не вор и не пришел, чтобы причинить тебе вред.

Тами под его руками притихла. Продолжала что-то мы-

чать, сопротивляться и всячески показывать, что в чужом захвате ей крайне некомфортно.

– Я тебя выпущу, поняла? Утихни!

Та кое-как утихла – теперь просто дрожала.

Рэй втянул воздух и как можно спокойнее объяснил:

– Сейчас я тебя выпущу. Ты повернешься и поймешь, что я тот, кого ты меньше всего ожидаешь или желаешь увидеть, но постарайся при этом не потерять сознание, поняла? Нашатыря у меня нет. Эй, ты поняла? – переспросил, когда не дождался ответа.

Тами осторожно кивнула настолько, насколько позволяла зажавшая ей половину лица рука.

– Молодец. Давай, отпускаю. И без визгов...

Он медленно разжал руки, отнял ту, которую она до этого пыталась укусить, сделал шаг назад.

«Давай, смотри. Вот и встретились, как говорится».

Девчонка обернулась.

Тот спектр эмоций, который промелькнул на ее лице, заставил Хантера мысленно вознегодовать – *что ж вы, бабы, такие слабые?*

А после серый цвет кожи, закатившиеся зрачки и подкопившиеся колени – он едва успел скорректировать ее падение таким образом, чтобы оно закончилось на кровати.

– Твою налево...

После выругался матом и добавил:

– Лучше б я пришел в маске.

(Полчаса спустя)

– Вали отсюда! Убирайся! Ненавижу! Урод! Я позову на помощь, слышишь, я...

Она, все еще одетая в махровый халат, с разметавшимися волосами и красным лицом, бросилась к телефону, который он предварительно «обесточил».

«Не баба – фурия».

Рэй сидел на стуле, закрывая проход к выходу из номера и твердил себе: «Это надо просто переждать».

– Пошел вон! Насильник, убийца, сволочь!

Между прочим, не насильник.

В него полетел стеклянный графин, Хантер чуть пригнулся – за спиной брызнули осколки.

«Просто переждать. Истерики всегда заканчиваются».

Главное, не сорваться и не дать ей в тыкву. Нет, он спокоен, спокоен, он перед ней виноват, в конце концов. «Хорошо, что живая», – твердил он себе, и это успокаивало.

– Уйди с дороги! Уйди из моего номера, тварь! Ненавижу тебя, ненавижу!!! Пошел отсюда!

Она кидалась в него всем, что находила: радиоприемником, подносом, двумя стаканами, пластиковой бутылкой с водой. Когда поняла, что это не помогает, пулей вылетела на балкон, заорала дурниной:

– Если ты не уйдешь, я сброшусь, понял! И ты будешь виноват!

«Дерзай», – виноватым быть ему не привыкать. Только не сбросится – он был в этом уверен.

Посидев на перилах с задранной ногой, Тами вернулась в комнату. Поняла, что гость на ее выходки не реагирует – смотрит мимо, дышит глубоко и ровно, – чуть успокоилась. Ненавидеть не перестала, но хотя бы перестала визжать и чуть-чуть стала слышать.

– Что ты здесь делаешь, а? Убить меня пришел?

Она не видела в нем никого, кроме того, кто мог убить, – можно ли ее винить? Рэй вздохнул:

– Если бы я хотел тебя убить, уже убил бы.

Ее трясло, как сбрендившую камбалу, – Тамарис пыталась по дуге обойти его то с одного края, то с другого, но протиснуться мимо, чтобы сбежать, боялась – знала, что поймают.

– Тогда... что тебе нужно?

И он впервые взглянул не мимо нее, но на нее – прямо в глаза. Увидел, что она боится его так же, как «тогда».

– Первое: я не собираюсь причинять тебе вред.

Хантер замолчал, дал ей время осознать сказанное. Спустя минуту ее озноб чуть схлынул – хороший знак.

– И что второе? – спросили его дрожащим голосом. – Ведь есть еще второе, так?

– Есть.

– Говори.

– Второе, – Рэй вздохнул – *сейчас будет то еще шоу*, – мне нужна твоя помощь.

– Помощь? – Тамарис взвизгнула со смешком столь презрительно, будто он – маньяк-вуайерист, который только что предложил ей помассировать его маленький и сморщенный член. – Да я тебе даже веки не закрою, если ты сдохнешь!

Что ж, вполне ожидаемо.

И он замолчал вновь. Чем длиннее паузы – тем лучше она соображает.

– Ты глухой, что ли? Я не буду тебе никогда и ни в чем помогать. Ты... ты... – она стала задыхаться от нервозности, – выстрелил в меня, помнишь? Ты меня убил!

Он помнил, увы.

Но не убил, как видно. Правда фразу «вот ты стоишь, живая» удержал при себе, прикусил язык.

– Уходи, понял! Давай, вали прочь – помощь ему моя нужна! Скорее мир схлопнется в коллапсе. Или что – снова силой? Ах, да, – сообразила в ходе собственного монолога, – наверное, есть еще третье?

– Есть.

Хантер смотрел на нее очень серьезно. Прежде чем заговорить, убедился в том, что она достаточно успокоилась для того, чтобы понять и хорошенько запомнить то, что он сейчас скажет:

– За тобой идет охота...

– Да что ты говоришь? И кто охотник – ты?!

– Помолчи! – рявкнул жестко, увидел, как снова побледнело ее лицо и даже порадовался этому. – В ходе экспери-

мента Комиссии на свет появилось всего двое паралогигов: ты и еще один человек. Этот второй уже мертв – ты следующая.

Она слушала его немая, недоверчивая и все также истово ненавидящая, а потому уверенная, что он все выдумывает, лишь бы зачем-то ее позлить.

– Спасти тебя от преследования могу только я.

– Да что ты говоришь? – выдавила очень тихо спустя долгую паузу. – Это все?

– Все.

– Тогда вали отсюда.

Ясно, не поверила – он был к этому готов. Убеждать ее сейчас бесполезно – пусть лучше прочувствует все на своей шкуре. Ему подобное развитие сюжета, как ни странно, даже на руку.

Рэй поднялся (чем вызвал у Тами очередной приступ бледности), отодвинул стул в сторону, щелкнул дверным замком, обернулся в три четверти:

– Я предупредил.

И порадовался тому, что ему в спину не полетел очередной графин.

* * *

Ушел... Ушел... Она все еще этому не верила.
Просто ушел.

Первым делом, когда Тами сумела сдвинуться с места, она подскочила к двери и заперла ее на замок. Застыла, пристально глядя на серебристую изогнутую ручку, – все боялась, что сейчас она тихонько повернется, а после начнет дергаться. Что по ту сторону начнут колотить, заорут: «А ну, открой!», – а после раздастся выстрел, призванный выбить замок...

Все, она невротичка!

В холодильнике нашлась «гостевая» выпивка – маленькие бутылочки с алкоголем (платные, конечно же, но ей наплевать), – Тами первой открыла водку, влила ее в себя залпом. Не позволяя себе отдышаться, отвинтила пробку у второй – ей нужно хоть как-нибудь расслабиться, иначе инфаркт, или инсульт, или все сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.